

Министерство культуры Алтайского края
Алтайская краевая универсальная
научная библиотека им. В. Я. Шишкова

Михаил Гундарин

ПРОСТЫЕ СЛОВА

Стихи разных лет

Барнаул · 2020

*Книга издана на средства краевого бюджета
по результатам краевого конкурса
на издание литературных произведений*

Гундарин, М. В.

- Г-948 Простые слова: стихи разных лет / Михаил Гундарин;
М-во культуры Алт. края, Алт. краев. универс. науч. б-ка
им. В. Я. Шишкова. – Барнаул; Новосибирск: Типография
"Колорит", 2020. – 208 с. – (Победители краевого конкурса на
издание литературных произведений).

ISBN 978-5-90363-394-4

В книгу Михаила Гундарина вошли избранные стихотворения и поэмы, написанные более чем за 30 лет. Особенностью авторской манеры, по мнению критиков, является сочетание психологической лирики с современным эпосом, тонкой иронии с подчеркнутой искренностью. В таком объеме стихи Гундарина, автора шести поэтических книг и десятков журнальных публикаций, издаются впервые.

Книга стихов адресована широкому кругу читателей.

ББК 84 (2 Рос-Рус) 6-5

ISBN 978-5-90363-394-4

@ Гундарин М. В., 2020
@ КГБУ «Алтайская краевая
универсальная научная библиотека
им. В. Я. Шишкова», 2020
@ Паршина К. М., 2020

В нескольких словах

Лирика Михаила Гундарина осторожна. Она не касается ни мировых, ни космических проблем. Рваный мир со своим угрожающим уважением.

Поэтому эстетические задачи автора не терпят шума, излетности и сочувствия к абстрактным проблемам. Его мир конкретен до малейшей детали. Он не хочет никого и никогда учить. И сам избегает учения, а это значит, что он самодостаточен. И этим самым оригинален.

Поэт Иван Жданов

КАЛЕНДАРНЫЕ ПЕСНИ
1988–1996

Люблю октябрьские аллеи
С листвою мокрой под ногами!
В те дни, когда асфальт темнеет,
Твой рыжий плащ похож на пламя.
Я в сером, я сливаюсь с небом
На фоне опустевших улиц.
И кто из нас в том парке не был,
Да только многие ль вернулись?
И ты проходишь мимо, мимо
Под обветшалой кровлей года,
И купиной неопалимой
Трепещет нищая природа.
Твой след невидимый прекрасен.
Я тру замёрзшие запястья.
Лампаду в сумерках не гасят,
Хотя и это в нашей власти.

РОМАНС

Мой ветреный друг, нынче в городе ветер –
не тот ли, ломавший сосульки вначале?
Впустив темноту, я надену свой свитер
и выйду проветриться в город печальный.
Как жаль, что на улицах пахнет апрелем,
что наша разлука всё радостней длится,
что старые стены так быстро сгорели,
а в новых, весенних, вдвоём не укрыться.
В нелепом стечении медленных судеб
не больше коварства, чем в зауми марта.
Сегодняшний праздник особенно скуден
на фоне цветной, словно кухонный фартук,
оставшей от всех целлулоидной стаи,
которая год как над городом кружит,
над чьим-то запястьем со свистом сплетая
и ветер печальный, и ветер снаружи.

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ

Изобразжу ль фонарики ночные,
на бледных скулах брызги ледяные,
и заплутавший, пьяный в дым патруль.
Осенней ночью город умирает,
из памяти озябшей ускользает,
как из кармана олимпийский рубль.

Но это всё не суть. Теперь важнее
пройти насквозь бетонные аллеи,
где бродит обезумевший трамвай,
где вялые побрякивают фары,
где спят тоталитарные кошмары,
и дождь, как вождь, бредёт по головам,

достичь предел асфальтового круга,
стального, словно сон. С каким испугом
ты смотришь на юродствующий свет,
в котором виден плащик твой, и урны,
поваленные набок, и котурны,
отброшенные наспех им вослед.

Ты видишь, как легко твоей ладони
держат полмира. Как на тёмном фоне
белеет что-то страшное. Как век
кончается на этом самом месте,
скользит по востроглазой мокрой жести
и гаснет возле утомлённых век.

Я шёл дорогой, сдвинутой на треть
ко мне на грудь, – расчетливая смерть!
Кидались сумасшедшие снежинки,
в их постоянстве виден был упрёк,
Но что я мог, полубезумный бог,
бессильный рок в безжалостных ботинках.
Несчастные! Но я не видел прока
свою структуру раскрывать до срока.

ПРИГЛАШЕНИЕ

Широкий жест зовёт нас в гости,
Где на коврах слоновой кости
Сидят стальные короли
Благоустроенной земли.
Там крут замес, там нет закона,
Там пахнет известью, озоном,
Семизарядною смолой
Да привокзальной иглой.
Жить предварительным показом,
Где раз на раз пришелся разом,
Где нет печали и тоски,
Где позолочены виски

.....

Но чу! Над жизнью равнодушной
Уже поднялся вихрь бездушный.
Он полон ядов и измен
И блещет, как ацетилен.
Когда б в груди моей суровой
Не кость, но кровь ласкала слово
И раздувала уголёк,
Я тоже стал бы полубог!

БАЛЛАДА ОТЪЕЗДА

Вспомнишь ли дом свой, полынь-недотрога,
на острие потускневшей отчизны?
Это не боль, если это от Бога,
это, в залог ускользящей жизни,
то, чем кончается детское слово...
Геометрический морок свободы
лепит стезю и готовит оковы
лёгкой руки, незаёмной породы.
Вот и топорщится мокрой шинелью
хмурое небо, чужое пространство.
В каждом подъезде и каждой постели
гаснут следы твоего самозванства.
Полно, звезда тополиного пуха!
Совестно плакать в преддверии рая!
Там, далеко, есть Страна Пернамбуку,
Море Ао и Гора Гималаи.
Там ли нам встретиться после разлуки?
Там ли припомнить, как скулы сводило,
как опускались холодные руки?
Я все забыл, да и ты все забыла.

БАЛЛАДА ВОЗВРАЩЕНИЯ

1.

Покрыты Запад и Восток
Хрустальным колпаком,
Чтоб милой родины снежок
Хрустел под каблуком.
Чтоб ты уснул с чужой женой,
Огласки не боясь,
По-соколиному слепой
Полубезумный князь.

2.

Ты воротился – так владей
Огромною страной,
Покуда сходятся над ней
Все грозы до одной,
Пока весёлая вода
Стекает сверху вниз
По раскалённым проводам
На ледяной карниз.

3.

Фарфор и бронза на столе
Полночного двора,
Где грязь в морозном серебре
Дороже серебра.

А ты растопишь этот лёд
И дёшево отдашь,
Тому, кто в будущем живёт,
Как позабытый страж.

4.

А я смотрю из-под руки
На снежную страну,
Движенья наши коротки,
Мы чувствуем весну,
Которой будет всё равно,
Кто пропадёт зазря,
Перекися, как вино,
Сгорая, говоря.

ГИМНЫ

1.

Безымянные страсти шутя переходят эфир
по развернутой плоскости. Что им наш грифельный
пир,
что им наши победы, подруги, ночные труды,
достающим разомкнутым ромбом до мёртвой
звезды!
Чёрный ангел потопа, рассвета в пустынных песках,
всё равно, кто-нибудь, пару слов о надёжных руках,
о хозяйской сноровке, о радионочи над ней,
и о том непутёвом, что подлинной боли больней!

2.

Развернётся пространство сухим ремешком
каталога.
Что петля, что ярмо – всё для бедного сердца
подмога
в этом робком краю, где как встарь нам ни дна,
ни покрывки,
где все пьют да поют, да сдают куда надо излишки.
Млечный путь из картона, шуршащий чернильной
разметкой,
опояшь мою тень не мечом, так сосновою веткой,
обрати мою речь из магнитного золота в пламя,
развяжи узелок постоянства простыми словами!

3.

Сочинявший стихи из стихов или из ничего,
я, как водится, был только тенью луча Твоего,
только шорохом листьев Твоих в золотой листопад,
только сетью Твоей, погружённый во тьму наугад.
Так посмею ль смолчать, позабывший свой дом
навсегда,
как крошился гранит и, смеясь, умирала вода,
под шагами пришедшего молча из той пустоты,
где кончается вечность, где каждый с Тобою на ты...

4.

Как соринку под веко, одной из классических роз
лепесток полусгнивший мне северный ветер принёс.
За случайное счастье спасибо, беспечный игрок!
Я не зря времени, всё свершилось в назначенный
срок.
Золотым октябрём наливается тусклая медь,
замыкается круг, но я знаю слова «умереть»,
нет, «остаться», «воскреснуть», о нет, говори, говори
дорогие слова подступающей к сердцу зари!
Созидатель Имён, Твоя правда, как прежде, тверда!
На пустой небосклон предрассветная всходит звезда.

ПРОЛОГ

Вячеславу Десятову

1.

Да какие наши годы,
эмпедокловы года!
Грустный маятник природы
улетает в никуда.
Оторвался, отлепился
от пружинного огня
и назад не воротился...
Чёрно-белый, чур меня!
Это время, проникая
сквозь нечаянную щель,
в сердце века, в сумрак рая,
изменяет суть вещей.
Это бьётся колокольчик
под магнитную дугой,
это кашляет по-волчьи
ангел в горенке стальной.

2.

До свиданья, век железный!
Алюминьевый, привет!
Над какой лукавой бездной
нам откроется секрет?
Здравствуй, истина простая,
милый друг – вороний глаз!

К стенке вывезет кривая
самых искренних из нас.
А как славно начинался
незначительный пробег!
Свет в окошке загорался,
робко падал первый снег...
Мы тебе открыли двери,
что ж ты таешь невпопад?
Было – плановой потерей,
стало – горшей из утрат.

3.

Да и нам пора обратно
в дом безропотной любви,
мой товарищ аккуратный
по коварной сэляви!
Наши бойкие поэмы –
в две недели, в семь листов –
наши стройные системы
сотрясения основ,
наша пламенная вера
в эстетический Эдем
только в качестве примера
и уместны. Вместе с тем,
метафизик-забияка,
это был отменный путь!
От таинственного знака
сквозь разбрызганную ртуть

в муравейные палаты,
в заградительный отряд
всех ни в чем не виноватых
и казнимых наугад.

.....

где-то около вокзала
с неба падала звезда
и в стакане умирала
кипячёная вода

4.

Переплясы фин-де-секла
в золотой осенний день,
и в серебряные стёкла
постучавшаяся тень.
Достучится ли? Не знаю.
Воплотится – да не здесь!
Чёрствый луч в руках ломаю,
чёрствый луч – благую весть.

Бегущая строка моей любви
Над городом, над гаванью пустой!
Единственное имя назови,
Блесни своей подвижной наготой.

А мы меняем молодость на жизнь
По курсу двадцать восемь к одному,
И нам не интересны миражи,
Колеблющие праздничную тьму.

Там вместо звёзд – раскрашенная твердь,
Там не луна, а дуло у виска.
Но зыблется, не может догореть,
Бежит неопалимая строка

Не печалься. Твои рецидивы
даже смерти – и той не смешны.
Сочетанье вины и мотива
создаёт ощущение страны.
Сочетанье любви и неволи
создаёт перемену картин.
Сладко свищет магнитное поле...
Не спеши, ты ещё не один.

ИЗ «КУРТУАЗНОГО КАЛЕНДАРЯ»
1994–1996

Май

Слишком холоден май для двоих, и слова не спасают.
А спасали не раз – но, как видно, исполнены сроки.
Мы сидим у окна и глядим, как скворчиные стаи
заселяют пространство, и помыслы наши жестоки.
Например, взять рогатку и выйти в зелёную рощу.
То есть, в детство вернуться с хорошим, весенним
трофеем.

Пару стёкол разбить в старой школе – что может
быть проще?

Но откажешься ты, да и вправду нелепа затея.
Нужен выход иной, здесь другие полезны советы –
скажем, пьяным напиться, в чужой оказаться постели,
стать звездой экрана, богатой невестой, но это
мы уже испытали и более не захотели.

Впрочем, время цветенья черёмухи – смутное время.
Так вокруг говорят, и мы тоже теперь в этом круге –
как листочки на дереве, строчки в халтурной поэме,
а вернее всего, словно пара чулок в центрифуге.
Долго наша любовь притворялась простой

пасторалью,
бескорыстным лубком, чёрт-те чем обернувшись
в итоге –
отрывным календариком, а не последней скрижалью.
Не магнитной скалой – бережком неприметным,
пологим.

Июль

Дудеть в свою дуду, не думать об ином,
простить заблудший мир,
остаться виноватым –
таков соблазн дождя, прошедшего сквозь дом
и вышедшего вон по желобам покатым.
Июльские дела! Весь день, зевая, ждёшь
летучей вести о заслуженной награде,
пока сырой асфальт, сверкая, словно грош,
играет в зеркалах, своей забавы ради.
Порой заглянет гость – «На несколько минут...
Какой там, к чёрту, чай, тащи скорее кваса,
на пиво денег нет, а Кока-Колу пьют
мажоры да жлобы из правящего класса».
Ты прав, мой милый друг! Давай поговорим
за кружкой о судьбах сегодняшней культуры,
о том, как низко пал презренный Третий Рим,
а впрочем, и о том, какие шуры-муры
стоят в повестке дня... Оставим лучше их
до осени – жара и так невыносима.
Ну что ж, тем слаще квас,
тем бесшабашней стих,
тем медленнее жизнь... Пускай проходит мимо

Август

Елена, смотри, уходящее лето,
Как пьяный поэт собирает окурки.
Мучительный зов не находит ответа,
На солнышке сохнут апрельские шкурки.
Любовник не новый, за то и гонимый,
Жужжит над увядшим цветком подсознания,
Как грешные мысли в ушах пилигрима,
А ночь распустилась тигровой геранью,
А небо, Елена, такое, что лучше
Не будет уже до скончания века
(Осталось недолго). Елена, послушай,
Тебе не хотелось убить человека?
И мне не хотелось.
Завянет под утро
Полночный цветок, ну а там уже осень.
Под плюшевым пледом Гомер с «Камасутрой».
О том, что случится, мы их и расспросим.
Что нового скажут былые кумиры?
В глухом городке не отыщешь пророка.
Кончается август. Мы наги и сиры.
О том, что грядёт, позабудем до срока.

Сентябрь

Список соблазнов иссяк.
Время лелеет пустоты.
Я по арбузу стучу – что отзывается в нём?
Бард полупьяный поёт,
мол, воротимся с охоты,
Вместе затопим камин, вместе потом и уснём.
Эти дела не по мне! Я не охотник сегодня
До бестолковой стрельбы
И безбоязненных дам.
Кухонный демон, молчи!
Цыц, безголосая сводня!
Гулкий разрежу арбуз и никому не отдам.
Это невинности час
Бьёт на сентябрьских курантах.
Кто остаётся один, тот и останется, но
Не на чужом торжестве,
а при своих бриллиантах,
Спелый арбуз доедать, корки швыряя в окно.
Выдохлись летние дни,
скисли июльские вина,
Трезвый, как ангел, Эрот
свой зачехлил инструмент.
Скоро придут холода –
клин, вышибаемый клином,
Права гулять одному, не одиночеством, нет.
Тяжек взаимности груз! Я выбираю свободу!
Вместе со мною леса сбросят тяжёлую сеть.
Буду бродить не спеша, пить кипячёную воду,
В гости ходить по утрам, чтобы к обеду успеть!

Октябрь

Осень. Упали тяжёлые листья,
Пахнет земным, незаёмным сиротством.
Ни под одной из поверженных истин
Мир не погиб.
Таково превосходство
Духа эпохи над духом природы!
Мрамор в аллеях виднее на жёлтом,
Сварены всмятку летейские воды,
И философствовать хочется молотом.
Полно, Алкест! Это только соблазны,
Блики на стенах уютной темницы.
Осенью звёзды, как осы, опасны,
Ноет укус, нелегко исцелиться.
Лучше наполним божественной влагой
Наши бокалы, продолжим беседу.
Пусть небожитель кичится отвагой –
В слякоть и стужу теплей домоседу.

Ноябрь

Довольно летних снов, конец октябрьской лени!
Я подошёл к окну и выглянул в окно –
Сгустились облака и удлинились тени,
Сегодня выпал снег, но в комнатах темно.
А улицы полны ликующего сброда
Снежинок молодых, насаженных на нить.
Как неумелый стих, как детская свобода
Они – писал А.С. – предполагают жить,
А глядь, как раз помрут. Нам тоже, дорогая,
Невесело с тобой на пике ноября,
Куда в конце концов, печально догорая,
Добрёл наш дивный свет, стихами говоря.
А кстати-ка: тащи разрозненные тОмы!
Отправим, наконец, поэзию в полёт!
Лирической тоски, эпической истомы
Бесснежная земля нетерпеливо ждёт.
Пусть станет ей теплей под этим одеялом,
Пусть прорастёт к весне ритмическая вязь,
Сама себя легко рифмуя с идеалом,
Цветами, и травой, и ветром становясь!

Январь

В такие морозы тепло измеряется ртом,
как будто лекарство пипеткой. Ты ждёшь исцеленья
от этих анисовых капель? Попробуй-ка бром,
а лучше надейся на печь и сухие поленья.
Такая погода способствует разве что сну,
пускай в одиночку, зато под двойным одеялом
смиренья и грусти. Деревья подходят к окну
и просят в дом. Ты их, помнится, раньше впускала,
а я не пушу. Извините, исчерпан лимит –
по новому адресу нынче ищите приюта.
Я занят своими делами: на кухне шумит
взволнованный чайник, а стало быть, через минуту
появится способ согреться на четверть часа,
к сомнительной помощи ближнего не прибегая.
На гляцевый камень нашла ледяная коса.
Ты помнишь, была нам обещана участь другая.
Однако, похоже, что сбудется только прогноз
охрипшего диктора из Министерства Погоды
- а значит, всемирная ночь, отмороженный нос,
разлука навеки, холодные, гладкие своды.

Апрель

Выйду из дома, пройду по пустому бульвару...
Что там любовь – папиросы короткой затяжка!
Выдохнешь – нету. К иному готовься удару,
Видно, недаром наполнена плоская фляжка
Около сердца. Глотнёшь – и откроются виды
Дивных пространств, озираемых разве что ветром,
Солнечной тенью уже миновавшей обиды,
Этим просторным, изрядно хромающим метром,
Больше ничем. Подражающий – неподражаем,
Это Гораций сказал, между прочим. Не шутка!
Вот и закончился март со своим урожаем
Мелких измен и смешных помрачений рассудка.
Тёплый апрель раздвигает озябшие стены.
Вот бы ещё кое-что! Но оставим намёки.
Эти дела хороши на краю Ойкумены,
Здесь же порою скучны, а порою жестоки.
Впрочем, и этому миру милы повторенья.
Ты ещё вспомнишь меня, и забудешь, как прежде.
Нам ли не знать, что ни памяти нет, ни забвенья,
Только беспечные тени в нарядной одежде
Мимо и мимо, потом далеко, далеко.

ПРОГУЛКИ

1.

Этот город слишком мал
для достойного романа.
Ты начало всех начал,
я звезда телеэкрана.
В этом разница и суть
безнадёжных отношений.
У тебя большая грудь,
я почти взаправду гений.
Жизнь идёт на поводу
у игрушечной обиды.
Не имей меня в виду,
не теряй меня из виду!
Этот город зорких глаз
по-весеннему подробен
и поэтому для нас,
словно обувь, неудобен.

2.

Мы выходим на бульвар,
на цветущую аллею.
Первый утренний комар
опускается на шею.
Для него спасенья нет
от безжалостной ладони!
Запах пива и котлет
утонул в одеколоне.

Между прочим, двести штук
стоит жгучая водица.
Пригодится, если вдруг
захочу опохмелиться.
Да и как не захотеть
после этаких прогулок!
Мы с тобой попали в сеть,
мы на дне чужих шкатулок.

3.

Видишь, справа гастроном
под названием «Диета»?
Торговали там вином
в дни Великого Запрета.
Там несчастен был народ!
Был и я с моим народом
дни и ночи напролет,
словно в песне, год за годом.
Вдохновенная душа
сквозь сумятицу и давку
продвигалась не спеша
к заповедному прилавку.
Голубые города!
Удивительное рядом!
А теперь смотрю туда
равнодушным, вялым взглядом.

4.

Десять лет тому назад
нас не старили столетья.
Мы глотали сопромат
вместо сладкого, на третье.
Зеленеющим кустам
лестны лёгкие морозы,
как цензура – трём листам
начинающейся прозы.
Впрочем, в эти времена
ты была надеждой школы...
Значит, речь моя скучна,
как похмелье с кока-колы,
как в застолье спич о том,
чем кончается веселье:
не больным ли животом
и ментовскою шинелью?

5.

Вот коммерческий ларёк
под названьем «Недотрога».
В нём работал мой дружок,
Целовальников Серёга.
Весь бесхитростный товар
был опробован друзьями.
Невеликий свой навар
пропивал Серёга с нами,
рассуждая: «Трам-тарам!

Недорезанным буржуям
свою душу не продам,
пусть довольствуются малым!»
Зимней ночью был он бит,
а потом замёрз по пьяни...
«Недотрога» же стоит
и владеют ей армяне.

6.

Скучный университет
обойдём-ка стороною...
Лучше я тебе секрет
примечательный открою.
Чем доступней мир идей,
тем мучительней пространство.
От сомнительных путей
нас хранят любовь и пьянство.
То есть, ты меня спасёшь
без особенных усилий...
...если эта молодежь,
что с ухмылками рептилий
приближается сюда,
завернёт в ближайший скверик...
Завернули? Ну, тогда
отправляемся на берег!

7.

Славно лёжа на спине
наблюдать такие дали,

где в прохладной вышине
сочетаются детали,
образуя тот же вид,
ту же скучную картину,
что сгорая, не сгорит
(разве что наполовину).
Да и где он, тот огонь?
Вот и нам пора обратно.
Покажи свою ладонь –
ну, теперь мне всё понятно!
Останавливает кровь
пожелание удачи.
Мир затягивает вновь
и не может быть иначе.

НА ЭКРАНЕ

1997–1999

Мышиный король

В конце концов, кто нас приметил?
Кто оказался в нашей власти,
кто помещался за портьерой,
изображая мелкоскоп?
Никто-никто. И в самом деле,
как глаз к пейзажу непричастен,
так я не поддаюсь размерам
и обитаю между стоп
(пойми как хочешь эту фразу).
Мы склонны жить в режиме Морзе
между нажатием на кнопку
и попаданием в эфир.
Здесь можно быть каким угодно,
но должно слыть крутым и борзым,
хотя другого и не стоит
завёрнутый в бумажку мир.
Отнюдь не гениям балета
и не героям распродажи
живётся в нашем королевстве
что называется, на ять,
а тем, кто верит в гороскопы
и знать не знает прочей лажи,
хотя Законы Уменьшенья
необходимо всё же знать.
Они просты как корка сыра:
умело пользуйся масштабом
при отправленьи важных грузов
и прочих неотложных дел;

когда тебя загонят в угол,
останься маленьким и слабым;
а если выгонят из дома,
скажи, что этого хотел.
Да и вообще, согласно Канту,
миры подобны коркам хлеба,
проглотишь первую и сразу
перемещайся за второй.
Вселенная прокормит многих,
ибо на то она и небо,
но нету смысла расставаться
с благоустроенной норой
до наступления сезона
охоты на античастицы,
до установки аппарата,
что производит нашу смерть.
Тогда – взлетай! Взлетай высоко,
напоминая о синице,
которая хотела – море,
а подожгла всего лишь твердь.

«До утра», конечно, значит «насовсем»,
Но копеечная порция тепла
На щеках твоих белеет, словно крем –
Значит, снова мы сгораем не дотла.
Значит, будет кого завтра провожать,
Пропускать сквозь оловянное кольцо
Вдоль ворот чужого неба, и опять
Оставаться (хуже некуда) чтецом
(Твоих мыслей о высоких этажах),
Декламатором (боишься их сама).
Мне знаком и этот дом, и этот страх,
Полусвета ледяная болтовня
Всё, что нужно, умещается в одном
Поцелуе на балконе без перил,
Смертно-сером, как бумага унибром,
Безнадёжном, кто бы что ни говорил.

Землю увидеть во сне, ты сказала, дурная примета.
Для посвящённых – предвестье тяжёлого года,
как урожай огурцов, как злодейка-комета,
хвост перед каждым задрывая не без дохода.

Я возражу, ибо что нам, астралопитекам,
в этом случайном стеченье чужих обстоятельств!
Ради забавы представишь себя человеком –
сразу навалится груз долговых обязательств.

Трудно лететь, трудно плыть под холодной водою,
трудно раскрашивать мир в надлежащие краски.
Там, где погасло твоё и моё золотое,
трудно представить глаза без тяжёлой повязки.

Бескорыстные, бескостные
Дни моей простецкой страсти.
Мы с тобой вдвоём на острове,
А над островом ненастье.
Промокает наша хижина,
Попугай кричит сердито
О газоне неподстриженном,
О спокойствии забытом.
В бурной мгле не видно паруса,
Ни следа его, ни тени...
Сэкономил – так не жалуйся
На своё приобретение.
(Это в скобках, разумеется,
А на деле мы готовы,
Если всё опять изменится
В сотый раз начать по новой).

Радугой на крыльях стрекозиных
карандаш выносится за скобки,
в мусорную падает корзину
из расформированной коробки.
Удивишь ли бледною чертою,
проведённой по простой бумаге,
тех, кто заправляет пустотою
и меж звезд развешивает флаги?
Не для нас придумана забава –
живопись по движущейся ткани,
не для нас весёлая отравка
плещется в полуденном стакане!

РОЗЫ

Роза X

Легче выдумать слово, чем самый простой цветок.
В прошлой жизни такое бывало, а в этой – стоп.
Разговор не о снах, потому что какой в них прок?
Не сравнится с живой водою густой сироп.
Впрочем, как рассказал мне один аптечный ковбой,
полстандарта лекарства X позволяет всем
выбирать для своих работ инструмент любой,
оперировать множеством сложных схем.
Ну так что же с того? Предположим огромный дом,
миллион освещенных окон, открытых вдруг.
Все они нам видны, только кто объяснит, в каком
превращаются в розу желание и испуг.

Роза Y

«Навсегда» начинается заново ровно в пять,
скорый поезд отходит, крепчает казённый чай.
Мы не знаем, да нам и не нужно знать,
отчего эта кровь так печальна и горяча.
Я раздвинул все лепестки, один за другим,
обнажая развилку игрека, нежный ствол,
что дрожит под моей ладонью, но неуязвим
остаётся в конце концов, ледяной глагол.
Лёд и пламень ещё сплетутся в простом цветке
на обочине всех путей, что отвергли мы,
потерявшись как два кольца на одной руке,
расплетаясь наподобие бахромы...

Роза Z

Эта роза дурна, а другая как сталь цветёт.
В каталоге соблазнов отыщешь её на «Z».
Восемнадцать шипов, проникающих в переплёт
изнутри, разумеется, а не снаружи, нет.
Времена позитивных метафор стоят столбом,
между ними натянут провод, но ток иссяк.
То, что было запретной конструкцией и гербом
на ограду теперь сгодится, а видеть знак
в зацветающем посохе ржавых труб
просто глупо, но хочется, чёрт возьми,
как хотелось когда-то коснуться любимых губ...
Что поделать, мы были тогда детьми.

ПАПИРОСЫ

Весь день шатался по проспектам,
Курил, зануда, папиросы,
Глазел, бездельник, на витрины,
Весь день я думал о тебе.
Жара и в городе и в мире,
На всех часах +28,
Раскалены все телефоны,
И вот – кончается «Казбек».
И вот – картонные ворота
Под вечер выцветшего неба
Уже захлопнуты. И снова
Мы эту книгу не прочли.
И никуда не улетели,
Нигде не встретились – но где бы
Нам было встретиться на этой
Полоске выжженной земли?

ОКНО

Двадцать четыре. Ноль. Время на новый лад.
Ты уже спишь. Позволь бросить прощальный взгляд
издали на окно, гаснущее всегда,
но не для всех.

Одно

это

уже беда!

Я-то попал в число, знающих, в чём секрет,
я-то и сам назло прочим гасил твой свет.

ПРЕДНОВОГОДНЯЯ УБОРКА

Пахнет лимоном и Comet'ом,
Comet'ом – веселей.
Мир за порогом комнаты
Мёртв, но ты не жалеяй.
Нам остаются главные
Из дорогих даров –
Правильные и плавные
Линии холодов,
Что разожмут зажатое,
Скомканное огнём.
Скоро будет тридцатое,
Мы хорошо уснём.

Я плачу тебе той же монетой –
неразменным таким пятакон,
что помечен моею пометой,
но расплющен чужим молотком.
Как наличие выдоха значим,
но как вдох неприметен, пока
тот, кто раньше других одурочен,
не признал своего пятака!

Белый медведь твоего окна
Лапой закроет разбитый нос
Через полгода придёт весна
Но разумеется не всерьёз
Так бы нам петь да и петь скользя
По ускользящей в свой черёд
Маковке кованого гвоздя
Вбитого в шелковый переплёт
Где за ударом опять удар
А безударные не в цене
Как и любой дорогой товар
На сохраненье отданный мне

ПРАЗДНИКИ

описательная поэма

Авось приманенная радость
ещё заглянет в угол наш.

Боратынский

1.

Оксиген ищет путь. Его речь крепка.
Голос мерзнущей мыши. Начало сна.
По-над берегом россыпью облака,
Значит, если захочешь – взойдёт луна.
Я люблю этот залп небольших светил,
эту музыку гаснущих полусфер,
эти танцы для тех, кто всегда бескрыл,
но сегодня выпался – и взлетел.
И на Ленинских, и на ничьих горах,
и на том перекрёстке, где острый нож,
всё летает светящийся певчий прах,
максимально размноженный медный грош.
Что подставить ему как пустой карман?
То ли глаз, то ли ухо... А вот еще:
говорят, будет выстроен балаган,
и вошедший в него – навсегда прощён.

2.

Лету – летнее, осени – всё подряд.
Что споёт августовский простой песок
мы узнаем, когда повернём назад.
А покуда, от солнца наискосок,

здравствуй, книга такого большого дня,
где зелёный да жёлтый поверх всего!
Где отважный купальщик смешит меня,
а тебя вдохновляет задор его.
Вместо имени – пляжная дребедень.
Вот комар опускается, как орёл,
но находит не печень, а только тень,
от огня, что и так далеко увёл,
но не в сторону сердца, а взад-вперёд,
за гантелями для тренировки рук,
за рублём на покупку шипучих вод,
открывая которые слышишь звук.

3.

Три поэмы выходят в один тираж.
Но не время рассчитывать на успех –
добродушный читатель, мучитель наш
делит праздничный свой пирожок на всех.
оставляя кусочек на чёрный день,
одевая оставшимся невпопад..
Но довольно того, что ему не лень
под бумажным дождём принимать парад.
Мы и сами закуска, фисташки-dry,
(для надёжности можно добавить бром).
Между этими судьбами выбирай,
допиши до конца и взмахни платком.
До свидания, волны текучих лун,
коридоры, сверлящие небеса!
Как ни строй календарь, каждый раз канун
обгоняет начало на полчаса.

4.

Где комета хвостом не разбила льда,
побоявшись распробовать глубину,
там и я буду медлить и ждать, когда
торопливое сердце пойдёт ко дну.
Не оценишь, пока не начнёшь тонуть,
деловитую хрупкость ночных витрин –
открывая обзор, преграждают путь
торопящимся таять, как аспирин.
Расторопной шипучкой упасть на дно,
в тёмный трюм просочиться косым лучом –
одинаково хлопотно (всё равно,
что поддерживать тонущий мир плечом).
Поллюбовный напиток семи страстей
разрывает на части чугунный шар.
Замолчи и высчитывай, грамотей,
по сомнительным числам чужой навар.

5.

Мы разрушили мир, чтобы вышел дом,
но не вышло, как водится, ни гроша.
Вот и ночь прогремела пустым ведром,
мимо зарослей спящего камыша.
Завтра День Урожая. Пора в амбар
корешкам и вершкам довоенных снов.
Под испорченным душем смывай загар,
ожидай наступления холодов.
По любому выходит, что нет судьбы,
в этих улицах тёмных, но вот рассвет –

заправляет хозяйством и бреет лбы,
а не скажет ни слова тебе в ответ.
Да и ты позабудешь задать вопрос,
наблюдая, как делает первый взмах
наша полночь, летящая под откос
не сумев задержаться ни в чьих зрачках.

6.

Только ты и свобода твоей беды.
Сколько вынуто ключиков из глазниц!
Мы опять на пороге Большой Воды.
Море носит бутылки и мёртвых птиц.
Море ищет пожатья твоей руки,
пропуская сквозь пальцы мои слова.
Нарисуем линии, уголки –
вот и вышла повинная голова.
Вот и вышла свобода лететь навзрыд,
обращая всё встречное ни во что.
Время рухнуло в море, но мир стоит,
и на вешалке виснет ничьё пальто.
Это молодость, впрочем, а не звезда,
это тема, но будет ещё темней.
Где выходит на берег твоя беда,
там и будет кому позабыть о ней.

**НОВЫЕ
КАЛЕНДАРНЫЕ ПЕСНИ
2000–2006**

сумрак сумраку режет подмётки
мы всю ещё молодые
вот бутылку дешёвой водки
осушили и как живые
и глядим в окно электрички
как там ночь неужели мимо
а в карманах ключи и спички
мы придумали псевдонимы
пролетающим перелескам
и теперь всё пространство наше
вдруг поднимется занавеска
вдруг в окно кто-нибудь помашет...

тает снег на серебряном блюде
расплетая свое серебро
так бывает при сильной простуде
или если швырнуть на ребро
ледяную от счастья монету –
закружусь ли ничком упаду
заклиная любовь и победу
ускользая по новому льду

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ РОМАНС

Столбики сусликов, степь постепенная,
позднее детство в божбе и тоске...
Кто это смотрит, такая надменная,
В тонком колечке на левой руке?

Жизнь это, знаешь ли. Просто — без имени,
калий цианистый и забытьё
равно подходят... Смешно? Не брани меня —
так я впервые увидел её.

Только в запретном мерцает желанное,
только чужое достойно тоски.
Вот и потеряно самое главное:
просто колечко с холодной руки.

Всем пора. Пустая «полторашка»
На углях костра.
Это жизнь, серебряная фляжка,
Чёрная дыра.
Море: нелюдимо-нелюбимо.
Что сказать ещё?
Дорогое небо цвета дыма:
На замочек щёлк.
С кем теперь отправится в походы
Наше волшебство?
Эта жизнь, огни её и воды,
Были – для чего?

БЕССОННИЦА

Не уснуть сегодня. Многошумный
мир идёт на дно.
Кто в ночном эфире пляшет,
как безумный?
Спать пора давно.
Я сегодня болен избыточной
жизнью этих стен.
Что сказать навстречу звёздной пыли,
что спросить взамен?
Черпай, черпай полными горстями
этот сладкий сон,
забывай железными гвоздями
чёрный телефон.
Забывай иголку в тёмном стоге,
вспоминай о ней,
как она уходит по дороге,
становясь видней.

Тяжело расставаться с городом-миром,
Покидая его лучом ли, тягучей тенью,
Пополняя шальные тыщи
частиц эфира,
Неподвластного здешнему разумению.
Таково весеннее горе! Душа стремится,
Ну а сердце будет грустить в отъезде,
Сквозь автобуса грязные стёкла,
чужие лица
Наблюдая хмуро дома предместья.
Оно кончится скоро, а дальше поле,
Все электромагнитное, как на схеме.
После реки, озера... А вот и море.
Переходим, закрыв задачки,
к новой теме.

Весна, вновь ссыпаясь под колесо
(слышишь знакомый хруст?),
говорит по-китайски “всё холосо”.
Иоанн-Златоуст,
февраль, замолчал. Не его порошок
падает на асфальт.
Всё съели, всё выпили – хорошо!
Я говорю, что сталь
здешнего неба будет расти,
падая, леденеть,
чтобы намокнуть на полпути
в чёрного марта твердь.

горек мартовский снег
и горчит портвейн
утонувшее дерево не всплывёт
в сердцевине чёрных его ветвей
запрещённая жизнь хорошо идёт
(я об этом узнал пару дней назад
возвращаясь ночью в ничейный дом
ковыляя по улицам наугад
вспоминая себя с трудом)

1992

Осень под знаком «Орландины»,
Игры в дурака, лимонных корок.
Предчувствие войны и ангины,
Башмак прохудился и поднят ворот.
Всё обошлось. Изменились лица.
На новых ботинках – новая кожа...
Известно, что молодость повторится:
Разметит, вычислит, подытожит.

В парке звёздного неба
полдень. Поэт уходит
по настоящему снегу.
Это его заводит.

Это такая осень
просто дарит подарки,
в небо бросая сосен
линии без помарки.

Он их увидит позже,
когда выйдет из парка,
когда скажет, что всё уже
и наклеена марка.

Все теперь на свободе.
Всем хорошо и правда.
Пой о своём заводе
песню нового барда!

Однажды переставший быть поэтом
Пьёт чёрный чай. Отчаиваться глупо.
Узнавший всё, он знает и об этом.
В его руках пластмассовая лупа.

Он смотрит на египетскую марку,
В надежде отыскать там запятую
Неправильную, мелкую помарку,
Что превратит бумажку в золотую.

Но не найдет. А эти пирамиды
И эти сфинксы нам не интересны –
Мы не такие видывали виды,
Когда в глуши болтались межнебесной.

Когда впервые нам изобразило
Бессмертье непонятную картину.
И я смотрел, пока хватало силы –
Увидел всё, запомнил половину.

Вот как город сегодня светел –
не напрасно вчера мы пили,
намотали немало петель
по Бульварному, обсудили
всё, что в наши попало лузы,
то есть сгнуло без ответа,
прокатились – и нет обузы...
Так кончается это лето

.....

Притаилась под тротуаром
золотая засада-завязь.
Слишком многое брал задаром,
но оправдан и улыбаюсь.
Называю по новой моде
Музу сплетницей и подружкой.
В этом городе-огороде
говорю: не спеши, послушай
что нам скажут немые корни
в этот самый обычный вечер.
Говорят, что надо упорней
пробиваться навстречу встрече.
И катиться шаром бильярдным –
молоком, обращенным в камень,
вдоль по улицам многорядным...
Мимо дела, под облаками.

Снегу следует падать,
Говорить на лету,
Находить себе радость
В опустевшем саду.
Утверждать по привычке,
Что растает не зря,
А входя без отмычки
В двери календаря.
Потому что обещан
Всем хороший конец,
Даже если не вещим
Был наш лучший певец.

ИЮЛЬ

Как будто сбрасывают доски
С высокого грузовика.
Или на мелкие полоски
Рвёт равнодушная рука
Вверху полотнище тугое,
Невидимые паруса –
Так о печали и покое
Непоправимое такое
Твердит нам дальняя гроза.

по первому снегу собачьему следу
я буду искать остальные детали
тебя окликать как чужую победу
молить чтобы нас не прервали

твой голос бездомен в моём телефоне
в закрытых глазах отражается небо
над парком что в ласковой зелени тонет
и запахов полон как теплого хлеба

ты в городе где так чисты переулки
что запросто можно не выпачкав ноги
весь мир обойти и вернуться с прогулки
и вот ты в дороге

а я говорю возвращайся скорее
а ты отвечаешь увидимся снова
на нашей весёлой весенней аллее
где сила и слава и слово

С работы

Хорошо говорить и плыть
По снежному и чужому,
Наматываясь, как нить,
В направлении к дому.
Этим вечером столько лет,
Как я трезв и в дороге,
Как витрина, ломаю свет,
Обиваю пороги.
Нужно вольную дать огням,
Чтоб о нас рассказали,
Догорев, побывали там,
Где мы будем – едва ли.

Облако

На остановке автобусной,
города на краю,
припоминаю подробности,
снег перелистываю.
Вечер для неудачника
слишком хорош, а для
позавчерашнего мальчика
слишком холоден, блин.
Все мои детские страхи,
звуки, первой любви
зряшные тени и запахи
вспомни и оживи.
Извлеки их из облака,
падающего на всех,
чтобы укрыть, как войлоком,
этот город и снег.

18 марта 2006 года

Всё идет по плану. Весна – красна,
Карусель скрипуча, как древний бог.
Лишь самой себе до конца верна,
Раскрывается книга в двенадцать строк.

Вот и всё, что осталось от болтовни
Пылкой юности (думали – не унять!).
Двадцать третьего будет плюс пять в тени.
Не забудь же перечитать

Эти строки, придуманные – тебе.
А по сути – придуманные тобой.
(И особо – двойной пробел,
Несмолкающий, как прибор...)

В дороге

Будто раздвинулась занавеска
Или рванула в кустах граната —
С полной ладонью чужого блеска
Ангел стал виден над автострадой.

Облако это текло и тлело
В летнем закате до горизонта —
Призрак, уставший белеть на белом,
Таять намёком на старом фото.

Будет последним вечером света
Нынешний вечер? Или завтра
Снова увидим пыльное лето,
Длинную ленту цвета асфальта?

В парке

Покупай эти сладости в полный рост,
Всё, что хочешь в киоске Простой Мечты,
Пока механический свищет дрозд,
Пока все места пусты.
А мы обнимаем своих детей,
Потому что наше всё будет их,
А мы ожидаем вестей,
Дожидаемся – от чужих.
Леденец на палочке, леденец,
С абрикосовым вкусом, раскрытым ртом.
Я был жнец, на дуде игрец.
Вспомнишь ты о другом.

В ресторане

Никотин заполняет верхушки лёгких,
И они темнеют, как на картине
Художника Х. закатные горы,
Словно сопки на Сахалине.

Я там не был. Я не был нигде, но море
Настигало сердце везде и всюду.
Даже в здешнем полуночном разговоре
Я его ощущал отрицаньем чуда.

Всё равно нагонит меня, нагонит,
Всё равно обманет меня, обманет,
И не важно уже, на каком перроне,
За какую дверью, в каком стакане.

Моя мера не та, что несёт в бутылке
Гладко выбритый малый в дешёвом фраке,
Не во взгляде его, не в его улыбке.
Она там,
в подступающем с моря мраке.

Одиночество пеленает виски,
Развязывает шнурки,
Говорит, что нужно доплыть до конца реки.
Говорит, что свобода – лежать во рву,
Отсюда видно Сибирь, Москву,
Но не вздумай, покуда не позову.
Отвечает, что да, будет звезда,
Но она – обман, и ещё беда:
Дрянь её провода.
Значит, теперь навсегда.
Отвечаю: мы ещё раскинемся, как луга,
Дождёмся, пока растают снега,
Ведь должны же быть у той реки берега!
Лишь бы моё, твоё не забыло себя,
Встречу всех торопя,
Как в детстве, скатерть из-под стола теребя...

Наш ответ человеку без кожи –
Перемены в постельном режиме.
Краткий путь подступающей дрожи
Обозначен стежками косыми.
И пускай он рискует, как прежде,
Демонстрировать смерть и свободу –
Мы изменим диету, в надежде,
Что смиренность верней пищеводу.

Разорви картонный чехол эфира,
Расскажи о том, кто сейчас в отъезде
Сердцевину правит чужого мира
Сквозь густой холодок созвездий.
Покажи нам правила без награды,
Золотые лилии вне закона,
На пороге тяжёлого перепада,
На ступеньке плацкартного, блин, вагона.
(Это зряшный шум припоздавшей речи,
Голоса, летящие с остановкой
В заповедной точке живой картечи –
Просто клятвы любви неловкой).

Куда расти? Туда, где лето,
Где солнца круг, срывая крюк
Уже ноябрьского рассвета,
Взлетает, как высокий звук.
А здесь закона и порядка
В любом табло одно число.
И разделилось без остатка
На всех ничейное тепло.
Верти фонарь над головою,
Подземный пролагая путь
Тому, кто хочет стать травой,
А раньше был мороз и ртуть!

ЧЕТЫРЕ СОНЕТА

1. Парочка

Движенья лицевой мускулатуры
свидетельствуют: девушка не плачет,
а просто всё могло бы быть иначе,
да только день сегодня слишком хмурый.
Уткнись лицом в то сердце, что амурь,
ползущие на задней передаче,
могли б разить повдумчивей, а значит
иными были б ваши шуры-муры...
Но прочь мечты! Пока закат алеет,
румян своих постылых не жалеет,
бросая их на щёки и на лоб,
под кожаной тужуркою согрейся,
и более не плачь и не надейся –
иного нужно, было лучше чтоб.

2. Поэзия

Во сне я пришёл к ней с двумя бутылками водки
в синей дорожной сумке (с утра на вокзал),
так, повидаться, вписаться на ночь, о чем и сказал
прямо с порога. «На кухне» – добавил кротко.
И вот мы на кухне. Под пение сковородки
я наклонился, поцеловал
хозяйку впервые за столько лет. Сломал
к чёрту весь этот лёд. Она мне ответила. Вот как
славно всё начиналось. Но тут сплошняком пошёл

текста финального частокोल,
сериальные титры – бестолочь и мученье –
оставляя за кадром самую суть –
цветастый халат, обнажённую грудь...
Такова поэзии мерзость, её назначенье.

3. Карантин

Ноябрьским снегом как пружина
Ещё зелёная трава
к земле прижата.
Такова
Одна из функций карантина.
Как будто капля никотина
Или собачья голова
Сползает по небу едва
Луны поддельной половина.
Всё это так, посмертный бред,
И в нём, накинув капюшон,
Куришь выходишь на балкон
И слышишь: пьяница-сосед
Случайной тени говорит,
Что смерть нам только предстоит.

4. Угроза

Закуриваешь своё? Поживи-ка с моё –
Разучишься брезговать папиросой.
А впрочем, станешь таким,
как эти барбосы
За соседними столиками –

Прапоры или жульё.
Сегодня хороший вечер,
вязкий, как мумиё,
Гуляй с кем захочешь,
не задавай вопросы,
Пей своё пиво, не ощущай угрозы.
Мне-то куда деваться?
Я сам придумал её.
И эту буфетчицу с буферами,
Нависающую над нами,
И то что виснет над нею
(Думаю, это смерть).
Пластик столов, дымок над ними,
Тебя и меня. Как твоё имя?
Если можешь, ответь.

МАЙСКАЯ НОЧЬ

1.

Куда податься человеку
Холодным утром в пол-шестого?
Базар, вокзал, кино, аптека –
Закрыто всё. И это слово,

Однажды сказанное трижды,
Опять на языке вертится.
И мы на всё готовы, лишь бы
К утру домой не воротиться.

2.

Ходи, живи среди тумана.
Как холодны его витрины!
Как серебрится неустанно
Весенней ночи паутина!

Ей мало дела до рассвета,
Она черты лица любого
Так исказит своей пометой,
Что даже ко всему готовый

Прохожий разведёт руками,
Не зная, радоваться встрече
Как запоздавшей телеграмме
Или бежать. Как эти речи

Седого друга мне знакомы!
Пятнадцать лет одно и то же,
Но он не может по-иному,
Почти никак уже не может.

Ну что ж, прощай. Тебе направо,
А мне, зеркальному, налево,
Где улыбается лукаво
Стеклопакетов королева.

Она окно своё открыла
Для всех вполне определенно,
И эта статья, и эта сила
Мощней, чем наша оборона!

3.

Темны далёкие кварталы,
Где ожидают нас напрасно,
Где с каждым разное бывало
(По преимуществу – прекрасно!).

Где помидорная рассада
Свои мясистые ладони
К стеклу протягивает жадно,
Но никогда его не тронет.

А мы считаем поименно
Центральных улиц перекрёстки,
Мы здесь почти что незаконны,
Как на свидании подростки.

Горчит предутреннее небо,
В нём нет ни мёда, ни ванили.
И мы не сыщем места, где бы
Все наконец про нас забыли.

4.

Вот милицейская машина,
Death car на уличном жаргоне.
Но есть особая причина
Тому, что нас никто не тронет.

Литературные герои,
со дна туманного колодца
мы движемся недружным строем,
поодиночке, как придётся.

Смотрите, милиционеры,
Как мы проходим по бордюру,
И чёрта с два к нам примешь меры,
Несуществующим де-юре.

Безумны и неуязвимы,
Мы промелькнули краем парка,
Где в тесном гипсе херувимы
(О, как же жутко им и жарко!).

Но мы минуем их, поскольку,
Мы там уже однажды были,
И каждой жилкой, каждой долькой
Сполна за это заплатили!

5.

А за стеклом универмага
Бессонным играм ночи мало,
И мне достаточно лишь шага,
Чтоб оказаться в центре зала,

Чтобы увидеться поближе
С полубезумными вещами.
Они мне лгали – и они же
Всё не напрасно обещали.

Ведь слаще не было интриги
Чем очаровывать предметы.
Когда-то это были книги,
Чуть позже – видеокассеты.

Потом – одежда и ботинки
С клеймом нездешнего зачатья.
Возможно, модные пластинки,
Простые, как рукопожатье.
Я получал от них немного,
Они хотели жить иначе.
И если разбираться строго,
Понятно, кто был одурачен.

И я, конечно, не сумею
Осилить в брод стекло тугое.
Оно мучительно алеет –
Светает за моей спиною.

**ГОРЯЧО:
БЕСПОЛЕЗНО
2006–2011**

Сердце колышется как вагон
Поезда Барнаул-Кулунда
Повторяется как рефрен
Продвигается как патрон
В тоннеле грязного льда
Здесь попутная лесостепь
Царапает стёкла до дрожи
Здесь нарезанный чёрный хлеб
На серой газете разложен
Крепко-крепко связан стоп-кран
Проволокой железной
Я её размотаю сам –
Горячо. Бесплезно

мушкетёры твои ацтеки
где, Мария?
в начале лета
проводила друга навеки
а запомнила только это

как стоял на тяжёлом камне
посреди ледяного неба
говорил всё равно запомни
улыбался нелепо

это было в книге/ не в книге
гастронома среди эфира
где хромая душа
выпрыгивать
училась за двери мира

до сих пор золотые титры
зависают над облаками
это мантры Мария мантры
всё дословно что было с нами

ДИАЛЕКТИКА ПРОСВЕЩЕНИЯ

Ю. Арабову

Кто выпадает из гнезда попарно
Друг в друге деревянно укрепиться
Как если бы Хоркхаймер и Адорно
Или крыло да птица

Когда мы шли поверженной Москвою
Никто не падал но чепцы взлетали
И солнце жгло, как будто золотое
Или часы на Киевском вокзале

Где человек с лицом оригинала
Но телом копии сказал с упреком
Что мною совершённое так мало
Так блин жестоко

Што ж пишешь ты в одном и том же роде?
А я и сам в одном и том же роде.
И если говорить не о свободе,
То я – свободен.

НА ДЕЖУРСТВЕ

Как мясной недовешенный вес
Распростёрт на базарном прилавке,
Кто лежит опрокинутый весь,
И ни палки ему, ни подставки?

«Вы-то, старшие, знаете как,
Раздвигать черепную коробку,
Разрушая тифозный барак,
Амнистируя божью коровку.

Не надеясь всерьёз умереть,
Я приму и такую свободу.
Урезайте на четверть и треть –
Не забудьте подчистить с исподу».

Нам-то что? Напряглись, как канат
Коридоры районной больницы,
И сегодня не перелетят
Через ночь даже белые птицы.

* * *

Сонная моя рука
Скользит по твоей руке
Со скоростью катерка
На августовской реке.

Падающая звезда,
Ослабевшей пращей
Брошенная сюда,
Медленнее ещё.

Первые облака
Будут нежны, легки –
Утренние берега
Полуночной реки.

ИЗ ЦИКЛА «ТРЕТЬЯ ДЕКАДА»

В ТАКСИ

На стенке написано нужное слово!
Но к стенке не ставят, а садят в машину.
Уже непослушное сердце готово,
Но мёртвой петлею и скоком блошиным
Плетётся такси по окрестностям рая.
Я был далеко – я вернулся обратно.
Такая привычка – гореть не сгорая
И в бездны заглядывать аккуратно.

НА МОТИВ Г. ИВАНОВА

Лежащая на дне колодца
Аляповатая звезда
Не вырвется, и не взорвётся
Теперь уж точно – никогда.
На это маленькое горе
Плевать колодезным волнам –
Ведь и они не станут морем...
А в сущности, плевать и нам.

ЛЕСТНИЦА

Мы водку допили в подъезде,
Мы на пол присели, и вот
Сидим, осовевшие, вместе,
И небо сейчас упадёт.
Минута, другая – Накрыла
Горячего света волна.
И всё, что до этого было,
Не так хорошо, как она!

ЛУНА

Так и бредёшь, в голове – ни рубля.
Вспомнишь о юности, думаешь – блин,
Дал, понимаете, кругаля,
Да и вернулся в свой карантин.

Самое время родную луну
Видеть сквозь сетку нечаянных слёз.
Многое было у нас на кону,
Жалко, что мы проиграли всерьёз.

В МАРШРУТКЕ

Я был болен нынешним летом,
Но эта болезнь пройдёт,
Как вообще проходит всё это –
К примеру, за годом год.

Устроено всё неплохо.
И я лично только за
Чтоб скорее прошла эпоха –
Здесьние полчаса.

ПОЛНОЧЬ

Ласточка или дерево,
Перламутровый нож,
Приснись мне, хоть и не верю я,
Что этим меня спасёшь.

Скользя на путях касательных
Прошу, протяни мне нить!
Прости, что лишь в подражательных
Стихах могу попросить

Снова зима на задворках мира.
Всё заводное её, чужое
Невероятнее, чем квартира,
Где штукатурка поверх обоев.
Может быть, я и задумал эту
Перестановку и переклейку
Чтобы никто не нашёл монету,
Мною потерянную копейку.
Трижды разменяна вдрызг, и что же?
Запросто выдержала экзамен.
Стала в итоге ещё дороже –
Целого мира с его дарами.
Так же и сердце твоё: такую
Наделено неразменной властью,
Что и ему ничего не стоит
Рваться для этих и тех на части.
Вот бы и мне промелькнуть ничейным,
О безнадежном забыв ремонте
По переулкам узкоколейным
Бликом на выцветшем горизонте!

и эта вода, и та вода
и каждая хочет своё обратно
я видел январские города –
они лежали как будто пятна
так и бывает в иные дни
грязные точно порожек лифта
быстро страницу переверни
переступи через эту рифму –
было что было давай забудь
слово мелькнувшее в разговоре
и отправляйся куда-нибудь
вверх или вниз
в ледяное море

Горячая горечь твоих волос
Будущее в закрытых глазах
Я проснулся и поднял тост
За нашу ночь на чужих весах
Падали звёзды в грязный стакан.
Небо качнулось в четвёртый раз.
Здорово умирал закат.
Медленно, по квадратам гас.
Чтобы продлился твой лучший сон,
Мне до рассвета теперь не спать –
Взятый у полночи миллион
Злыми копейками отдавать

Первый снежок – в горле морозный нож.
Чёрный ледок – вывернешь сам карманы.
Но всё равно уже не уйдёшь
Отсюда, где вместо вчерашних луж
Голые трубы судьбы, её барабаны.
Только и остаётся встать в уголок
Слушать слепое сердце, забыв о боли
Закуривать не спеша, припоминать урок
Скольжения по наклонной (типа с небес в барак).
Это девятый класс, это физика, что ли?
Жизнь оказалась длинной, о чём сказать –
Нет, не заслуга. Но ведь и впрямь длиннее
Мига, которой нужен, чтоб тенью стать,
Или шагнуть вперёд и скользить, скользить –
Тысячу раз проклятая затея!

Дактилически длиться / ямбически биться о
Повсеместное небо, рёбра его и грани,
Во Времена Империй было Большой Игрой,
А сегодня я просто иду в ларёк без названия,
Чтобы взять там бутылку белого, как снега
Той далёкой зимы, плюс золотые шпроты.
Это Солнце Атлантики, мёртвые берега,
Передышка во время Большой Работы!

Нелегко уходил – тяжелей вернулся.
Остальное не повод для разговора.
Облака разбегаются в ритме пульса,
как хорошие люди от прокурора.
Можно стать таксистом, пойти в охрану,
повезёт раскрутиться – открыть «качалку»
Или просто видеть с большого крана
каждый день слева мэрию, справа свалку.
Уходил/увидел: одно и то же.
Даже звёзды в небе и те под током.
Он идёт по проволоке и коже
от моей вины до страны далёкой.

В рукав рок-н-ролла больной головой вперёд
засунута наша полночь, последняя на Земле.
Плётка затерта к чёрту, кто её оборвёт –
тому и крутить восьмёрки по бескрайней петле.

Молодость – это один на троих стакан,
меркнущие осколки мелкой оптики дня,
беспечное небо, пошедшее по рукам,
право не быть сильней, обязанность обвинять.

Тёмных дворов – ледяных пучин –
мёртвые голоса.
Выключи свет, растворись в ночи:
просто закрой глаза.
Каждому времени свой топор,
свой разбитый стакан.
Это они ведут разговор
все ночные века.

ГАРАЖНАЯ БАЛЛАДА

Моя броня горит пожаром,
Копьё мне – молнья, солнце – щит.
Не приближайся, в гневе яром
Тебя гроза испепелит.

А. БЕЛЫЙ

Вот и прожита жизнь в ледяных гаражах.
Второсортным портвейном попробуй согрейся!
А с копеечным Югом ты был на ножах.
Ни на что не надейся!
Но как старый резец захлебнётся резьбой
И далёко летят заострённые брызги,
Так и мир, победивший тебя, на разбой
Не решается больше, измызган
Роковым поединком, где вышел твой щит,
Как луна с финкарём из густого тумана
И на небе черкнув, будто лазером, shit,
Стал изнанкой экрана.
Где твой гаечный ключ, словно меч,
словно луч,
Выбил ржавую искру
Из покрытых броней, обезвоженных туч –
Продырявил канистру.
Спи спокойно, увидев иное, боец,
В головах твоих ветошь и масло.

В «Жигулях» полумёртвых – охрипший певец,
Ожидающий часа.
Будет утро похмелья и час торжества,
Мы их вряд ли увидим.
Наше дело – ослепнув, придумать слова
Послесловьем к обиде.

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Что нам делать со Вселенной ледяной,
с тёмной зеленью, щекочущей виски?
...Я бывал, хотя проездом и давно,
в твоём городе на краешке реки.
Я не помню в нём ни улиц, ни домов,
но забуду ли ту полночь в ноябре
и сержанта по фамилии Попов
(или Папин) с бутербродом в кобуре.
Он достал его и, голову склоня,
стал жевать свою ночную колбасу,
укоризненно взирая на меня,
злого, грязного, худого, как барсук.
В отделении порядок и покой,
а на трассе – дождь и ветер мне в лицо.
И сержант Попов, покончив с колбасой,
чистить принялся варёное яйцо.
Документы не в порядке, и рюкзак
подозрительными зельями набит...
Я засыпался, попался, как дурак!
А сержант сказал: «Давай-ка без обид.
Хочешь – сядешь в обезьянник, где как раз
всё на свете облевали алкаши.
А не хочешь – отпущу, заехав в глаз.
Хоть разок, но, обещаю, от души».
Я простил его, бредя по мостовой
злого города, пустого, как карман,
молча двигая раздувшейся щекой,
о дальнейшем догадаешься сама.

...Нынче лето на 12000 миль.
Мы с тобою догуляем до утра,
а на завтра я уеду, извини,
я – легчайшая из мыслимых утрат.
Потому что всё кончается на у,
даже если начинается на а.
Ловит радио случайную волну,
слушай музыку, кружится голова!

РОМАНСЫ ВДОГОНКУ

1.

Теперь нам нужно лечь под полог новых звёзд,
и делать не любовь, а всё-таки свободу.
Соляжкой пахнет ночь. Мы станем жить всерьёз
механике назло, грядущему в угоду.
Пуускай в сырой листве, во тьме ржавеет жизнь,
пусть вялый механизм едва колышет сферу –
ну что нам до чужих? Их дело ночь и жуть,
а наше дело – смель, и наша вера – вера.
Мы раз и навсегда, как этот звёздный лес.
Я люпус – ты люпин, я степь – а ты предместье.
Так посмотри в окно: ты видишь, страх исчез,
весна замкнула круг, пока мы были вместе.

2.

Гром да гром. Полотенце на дачной веранде
Промокает до нитки, а нам всё равно.
Целый день мы сплетались,
подобно гирлянде,
А теперь расплелись и упали на дно.
Оттого-то над нами тяжёлые воды,
А над ними – бессильного солнца зрачок.
Время летних дождей, самой лучшей погоды,
Когда всё так нечаянно и горячо.
Чтобы так и казалось, нам нужно расстаться –
Пусть подольше продлится невинный обман,
И никто не увидит сырых декораций,
И того, кто за сценой стучит в барабан!

3.

Ты устала, я тоже устал,
Новый день не несёт исцеленья.
Помутился июльский кристалл,
Жизнь крошится, как будто печенье.
Не стряхнуть эти крошки в ладонь,
Не скормить их на улицах птицам.
Что ещё? Угасает огонь,
Перевёрнута наша страница.
Посвежей-то метафоры нет?
Ничего уже нет, дорогая!
Только августовский полусвет,
Но и он догорит, полагаю.

4.

Мы виделись – давно. Блестающая даль
Ударит по глазам, но слёзы не прольются.
А может, всё не так – ведь за окном февраль.
Сметая со стола, зима разбила блюдо.
Осколок ледяной, пронзающий зрачок,
Напомнит о твоей забаве и привычке –
Сосульки обрывать, потом, собрав пучок,
Ломать их по одной, как я ломаю спички.
Не этим ли огнём зажжён весенний свет,
Которым ты и я по-разному довольны:
Ты – не сказала «да», я – не услышал «нет».
Мы виделись давно... И никому не больно!

СТАРЫЙ ПОЭТ

Мы хотим меча из чистого железа юношей.
Прочь, шумы возрастов! Да властвуют звон прерывных времён, белые и чёрные дощечки и кисть судьбы. Мы зовам в страну, где говорят деревья, где научные союзы, похожие на волны, где весенние войска любви, где время цветёт как черемуха и двигает как поршень, где зачеловек в переднике плотника пилит времена на доски и как токарь обращается с своим завтра. (О, уравнения поцелуев – вы! О луч смерти, убитый лучом смерти, поставленным на пол волны).

Хлебников

ВСТУПЛЕНИЕ

Дочиста съеденной речи крошки –
острые, словно от сухарей,
видишь, протягиваю в ладошке
для привлечения голубей.
Люди в домах, мутный свет в окошке,
им не надо пищи моей.
Так и случилось. В плаще потёртом,
в кепке, болтающейся на глазах,
перекрывавший миру аорты,
ныне оставшийся в дураках,
молча стою. Разновидность спорта –
окормление малых птах.
Выше взлететь, тяжелей свалиться –
так я в гордыне своей хотел.

В общем кипеньи перевариться,
о пустоту раскрыться (мел)...
Всё получилось у очевидца,
преодолевшего свой предел.

ЭПИЗОД 1, ЕСТЬ

1.

Начинай же. Я за тобою
со своей небольшой бедою,
со своей золотой трубою –
пионерским зовётся горн.
Вечер вновь лимонадом полн.
Здравствуй, Алка, и здравствуй, Светка,
первой встречи пустая клетка.
Вот на память сухая ветка –
наш посланец назад летит,
выковыриваясь из орбит.
Это гимн выпускному классу,
порастроченному запасу,
карабасскому Барабасу.
Неуместный звучит свисток,
затянулся зарёй Восток –
дело на полчаса, дружок.

2.

...А потом я пошёл и вымолвил,
только тем ничего не вымолил,
обломался, пошёл на слом.
Та девица звалась Молекулой,
я же вовсе не был Калигулой,
да, хорошим, но не орлом.
Подари мне своих родителей,
дева света, и осветителей,
что идут тебя освещать.
Завещай мне землю и фабрику
да, засранцу, но вряд ли бабнику,
ты, сумевшая отказать.
О проклятое бремя молодости,
дай мне силы для новой подлости,
заколдуй мою злую тень!
Разрешённого лета радости,
пищевоблоком пропахшие сладости,
просто скисшая дребедень.

3.

Мы с тобою повстречались. Было душно, было жарко.
Я сказал: на дискотеке будешь мне женой, а ты,
улыбаясь, отвечала: эта дырка, эта арка
(две на каждый на динамик) просто марка пустоты.
Ты не даришь мне подарка, а подарки так просты.
Мы с тобой сидим в буфете есть две пиццы
и хот-доги,
у тебя такое платье, что запутались цвета.

Мы с тобой уже не дети, но не люди, и не боги,
у тебя такие туфли, у тебя в душе мечта –
быть одною из немногих, но немногих неспроста.
Я бы съел тебя на завтрак, я бы выпил это море
с серебрястыми ногтями да помадой золотой.
Я стесняюсь продолженья, я теряюсь в разговоре,
уже поздно, уже страшно, уже всем пора домой.
Словно надпись на заборе, ночь окажется простой.

4.

По рублю,
говорю, злюка
и
по декабрю,
ну-ка
– Голливуд, гори!
Сообразим,
понимаешь,
сразу на
вообразим
что. Убегаешь?
Не беда это, а война.
Не такую
жизнь,
не такую,
Он обещал мне, а
с закуской, с маслинами, ухую, икрою.
Слова
грели

чтоб всех,
чтобы их ели.
Чтоб вверх, так вверх.

.....

А ты попробуй!

5.

Эти улицы темны
эти улицы пусты
но ведь мы
с пустотой на ты
я использован сполна
я использован зазря
но она
знает теперь, что такое заря
предварительный заказ
показательный закос
двое нас
лишь я и её барбос
мы по лезвию ножа
я ответил ей ложись
говорю госпожа
ведь такова вот жизнь
не хочу говорит затем
уходит знать в туалет
я в её квартире номер семь
а её уже вовсе нет

6.

Деревья осыпаются. Налево,
Туда, иду задумчиво. Налево
Виниловый тяжёлый винегрет.
Зима глядит совиными глазами.
Сплошной дум-дум в компьютерном вокзале,
Мучительный, как чёрный пистолет.
Любви моей в раскрашенное небо
Сегодня я смотрел, как будто в небо,
Как некогда описывал Рабле.
Устали раскавыченные чресла,
Устал стакан, устала и канистра,
Устала хризантема на столе.
Я обещал себе во имя жизни
Уже не думать о грядущей смерти,
Что лезвие наводит на язык.
Она теперь одна, в пустой квартире,
Откуда я ушёл, в какой-то мере
Заполнив надлежащие пазы.
Там лоджия стеклянная. Там двери
Железные. Там-там по крайней мере,
Бывало много разного того
Компьютерного, стало быть, съестного,
Диванного, алмазного, такого –
Она-она и больше ничего.

ЭПИЗОД 2, ПИТЬ

1.

Я знаю самое страшное время суток
Пять утра после большой попойки
Просыпаешься, не понимая, где ты
что с тобой
закроешь глаза радужные пятна
Похмелье всё ближе
Пять утра
Это жизнь или смерть? Здесь, на кровати
со сбившейся простыней?
С одеждой, кучей брошенной рядом?
Это то, что между жизнью и смертью
Ты думаешь, что было вчера
(лучше, если помнишь, что было вчера, если
не помнишь – жди до утра, тебе расскажут – как
мучительно ожиданье)
И напрасно твердить себе – потому послал их, что
они заслуживали быть посланными, что всегда
хотел, и наконец осмелился
Враньё
Будешь униженно извиняться
И ещё хуже, если не будешь
Типа гордый и с кем не бывает
враньё
так больно, так стыдно
всё обрушивается на тебя
в пять утра
Не можешь лежать не можешь встать

Значит, понарошку умирая,
Поутру воскресну, похмелясь,
Тоже невзаправду. Вот такая
Малоутешительная связь!
Но однажды – я сказал «однажды»,
Понимаешь, через много лет...

3.

Сунули стакан спирта
Пей
Может гореть
Не смей запивать
Выпил
Горю
Изнутри снаружи
Стоят смеются
Старшие трое
Поэт Н.Н.
Поэт К.К.
Поэт В.В.
Ты поэт тоже
Поэт
Наша слава стоит на спирте
Спирт стоит на огне
Огонь стоит на игле
Та потеряна
Главное не запивать

4.

О, как разворачивается, простирается во всех глазах
Сад-стекло-алкоголь,
О семи головах
Цветом же сталь&соль.
Санти-ментальны мы
Вот и расширяемся как бутылка (и ею же) изнутри
Становится видно, что кроме уличной тьмы
Есть ещё прочих три.
Одиннадцать сосчитано как граней
У стаканей

5.

Он был диктором на местном ТВ
Писал рассказы из народной жизни
Под Шукшина
Я был немного младше
И не отказался бы попасть в его эфир
Но он только разводил руками –
Начальство зажимает, одни спонсоры да жида
Жида кругом
Ага
Мы встретились ранней осенью
У ворот телецентра
Взяли три бутылки водки
Пошли к нему домой
Он жил рядом в маленьком домике
Доставшемся по наследству
Жена ушла к родне, нужно было управиться
до её прихода

Приступили
Закусываем солёным да свежим
Сырым да варёным все своим собственным
Это был 92-й год
Говорили про Ельцина, Бродского, ругали обоих
Тогда я и мои друзья называли себя
красно-коричневыми
Ещё до официальной левизны и патриотизма,
ещё до НБП
Жида все, жида кругом повторял он
А будто не правда?
Я незаметно напился
Как раз когда пришла его жена, а водки не осталось
Меня вырвало прямо на скатерть
Потом на её платье и на его брюки
Потом ещё раз куда-то
Он рассвирепел
Он повалил меня на дощатый крашенный пол
Сунул в руку тряпку и заорал
Убирай за собой! Убирай!
Три, сука, дочиста! Чтобы ни следа!
Чтобы ни духа твоего жидовского!
Это ты, ты жид! Все подлижешь сейчас, подонок!
Вот те на
Я подтирал, проваливаясь в сон, елозя коленками
по мокрому
Вытер всё отлично, пошёл, протрезвев
Добрался благополучно
Прошло пятнадцать лет
Он всё там же, и я всё тут же
Мы почти не общаемся, но здороваемся

А что общаться – никто не значит
Не то что Ельцин, Бродский.
Ему за сорок, мне под сорок
Он совсем не пьёт – сердце,
Я почти не пью – почки.
Пройдет ещё 15 лет
Ещё
Ещё
И ещё
А что жида
Что они могут, вообще.
Жиды не при чёем.

6.

Дождливым вечером
Выходим из пивной
Во двор, заверченный
По линии одной
Идёт кружение
Обводок, поводков
Преображение
Дворов, даров.
А где мы падаем
Среди тройных берёз
Там будет памятник
Из наших слёз
Из непромытого
Из толстого стекла
Как жизнь разбитого...
Как эта ночь светла!

ЭПИЗОД 3, ЛЮБИТЬ

1.

мне приснилась рифма
«щёлк/щёлк»
во сне я не мог
отвести глаз
от того, кто наводит
свой рог
то есть свой телескоп
на таких нас
смяты простыни.
лето
диктатура дурит
эта музыка снова ни для кого
комиссар любви,
изучай иврит
обводи по контурам
естество
кто товарищ стар
тот не суперстар
мало мало лет ей
куда с добром
выключает свет делает вот так
да по оптике топором

спой мне песенку про то
что нельзя не потерять
я живу носить пальто
ты живёшь не умирать

2.

Положил ладонь на горячее место
между коленом и юбкой.
Прямо здесь, между столом и креслом,
становись ошибкой, голубкой.
Много будущего, Мария,
полировки его и ворса.
Там, где вещи на Э, Ю, Я,
быть на А и на В не бойся!

3.

вот куда хочу – в мирумирум
в субфебрильный глухой компост
пусть закрашены стёкла закрыт эфир
не раздвинуты ноги не брошен пост
надо вновь невинности чтоб никто
золотыми пальцами не проник
в тридесятый раз под её пальто
не накапал себя в родник
я хочу вернуться где тротуар
покрывают трещины самолёт
где летит быстрее в стратосферу шар
где жар-птица крылами бьёт
ты прими ж меня мать сыра земля
прижимай меня балалайкой же
усыпи мой страх, сердце заголя
я твой сторож, здесь, на ничьей меже
я твоих картин распоследний гвоздь
твой урус-ответ на сургут-мартан

не идёт слеза, но приходит гость
опа бьёт в барабан

4.

Мой знакомый служил в московской конторе
одного небольшого, но известного олигарха
пятым подползающим, хозяина видел редко
Да тот и вообще редко бывал в офисе с мраморной
лестницей,
ведущей на второй этаж, колоннами,
окнами в три роста
Когда хозяин приезжал, воцарялось ликование,
смешанное с ужасом
Все смотрели вниз с галерей второго этажа,
облокотившись на широкие перила
Он словно светился, идя по ковру,
прилетев из Сибири ли, Лондона, с Юга
Высокий стройный загорелый в рубашке поло
делами не управлял, мог уволить просто так,
по виду
(но генеральный потом упрашивал оставить)
Улыбался зевакам, кивал
Иногда вёл с собой блондинку-жену,
пьяницу
В красном платье красных туфлях
с бюстом пятого номера
Шёл по ковру и бил её
Она падала, он пинал,
поднимал, давал затрещину

Бил в ухо локтем в бок наотмашь под грудь
Пощечину слева, пощечину справа
Подзатыльник саечку
Не пила чтобы не гуляла
Она хныкала но терпела
за дело ведь
Она даже улыбалась сотрудникам,
задрав голову
кивала знакомым
Иногда вытирая струйку крови из носа
Цветом в тон платью и туфлям
И ведь за дело, за дело
Ведь он кто а она кто
Теперь он разорился
Конечно, не до конца, но офис продал
А жена его разлюбила бросила
Не за такие ж деньги в самом деле

5.

То ли ласток то ли чаечек
Крики шума молоток
То-то жизнь прошла нечаянно
Как обычай как ничто
Зря у старой парикмахерской
Ох да встретились с тобой

Так стреляй да не промахивайся
Бьётся кровь под кожурой
Знаешь как она выводится
Эта присказка сама
А потом уже находится
Всем больница да тюрьма
В полночь за полночь ополночью
Как останешься один
Так луна на четверть полная
Не окликнет гражданин

А ну, ты, подойди сюда,
Кому говорят

6.

я не ел твоих шашлыка
водки я твоего не пил
просто эта рука река
мы пройдем не забрызгав крыл
соль и пепел на раны твои
мельтешение поездов

о последней любви говори
о том что без слов
проникает в жилы твои
наполняет сердце твоё
как стакан золотого аи
как простое враньё

ЭПИЗОД 4, СТАРЕТЬ

1

Птица по памяти вьёт гнездо
Сама из себя несёт яйцо
Это всё близко да всё не то
Закутавшись в новое как звезда
Гляди откуда идёт весна
Гладкая как слеза

2

знаменитый поэт после шестидесяти
перестал писать стихи
во время немногочисленных встреч с публикой
или редких интервью
на все вопросы о поэзии он болезненно кривится
и сразу же достает пачку фотографий
они всегда с ним в холщовой сумке
он стал фотохудожником-пейзажистом
все смотрят чтобы не обидеть

ничего особенного
леса поля холмы берега
камера плоховата да и снимки...
так банальны
что кажется будто, хвалясь,
он видит на них
что-то не видимое никому из нас
собственно, с его стихами было то же самое

3

Железо падая в железо
В железо нет, не упадёт
Стремится молодой повеса
В карагандинский самолёт
Каких попов изобретатель
Чужого ярда расстегай
Я рад
я радиомечтатель
Я раб я рай
Не то что мните вы влюблённость
Не ламцадрица-ла-ца-ца
Но возраст и укоренённость
Разлуки в жалобе пловца
Как в молодости говорили
Едва ли так поговорим
Старее мир а где тут крылья
А кто тут Рим

4

орбит без сахара новый мир
наш без остатка, весь
если ладонью зажать эфир
линия жизни впитает смесь
вот и дорога
припомнить как
были мы молоды никогда
старая крепость над нею флаг
звезда
ерунда
орда
есть ещё в воздухе 5 шагов
ты их сделаешь без меня,
выше предписанных нам основ
выше нового дня.

5

Элла-Бэлла плачет у окошка
Говорит: ну как так вышло, двадцать
Скоро мне, а значит, скоро тридцать,
То есть сорок восемь-пятьдесят.

Прилетает к ней крылатый воин
Аваддон-сумару, демон смерти
Смотрит хмуро, говорит: ну люди!
Мне вон пять веков, и что с того?

Элла-Бэлла говорит: послушай,
Сделай так как я прошу, а душу
Забирай пожалуй. В самом деле,
Что мне проку старой от неё?

Элла-Бэлла, станешь ты моложе
Только вновь родившись, это значит,
Что душа должна переселиться,
Ну, короче, нужно помереть.

Элла-Бэлла дура, Элла-Бэлла
Вредная девчонка, Элла-Бэлла
Горстка пепла, камень на могиле
Элла-Бэлла станет молодой.

6

– послушай оптимист
ты шляпа среди шляп
на календарный лист
ты посмотри хотя б
он был упруг и чист
теперь совсем ослаб
зима идёт батист
и шёлк оставь для баб

– на целом свете нет
таких земель и вод
которых спас бы лет
мучительный подсчёт

статистик-комитет
компьютерный завод
но есть такое тут
и этим он хорош
что любят и влекут
и продают за грош
но снова прям и крут
и снова молодёжь
душа спешит соврать
нога бежит любить
а руки собирать
а рот благодарить
разрозненную рать
запутанную нить

*ВМЕСТО ЭПИЛОГА:
ИЗ ПИСЬМА АВТОРА (ИЛИ АВТОРУ)*

об этом собственно говорит Бродский в эссе об У.Х. Одене старый поэт что бы он не писал пишет вот что а) мемуары б) о несуществующем, но прекрасном в) объяснительную записку г) явку с повинной д) донос на время примерно так хотя боюсь ошибиться в количестве

конечно неудача но удач тут не бывает это раз а два «а знаете? ведь я хотел сначала двенадцать месяцев изобразить» но – не вышло и к лучшему и к лучшему что у меня тоже. главное годы прошли о!

боялся мира не боюсь мира боялся постареть не боюсь постареть думал о судьбе вот судьба спасибо Н.Н., Д.Д., Б.Б. всему алфавиту
всё сначала всё

2004–2011

ЯВЛЕНИЯ
2012–2015

СЕМИДЕСЯТЫЕ

На каникулах, возле Бийска,
А сегодня мы на базаре –
Грязном, скомканном как записка,
Как окурок на тротуаре.

Жарко. Люди толпятся возле
Деревянного туалета.
Солнце в плечи колотит гвозди,
Бесполезно пылится лето.

Сонно стелется «Арлекино»
По киоскам и по прилавкам.
Под ногами сухая глина,
Издыхающая муравка.

Здесь толпа без конца и края,
Огород разномастной речи...
И русалка – точь-в-точь такая
У соседа на левом предплечье.

(Он кедровые ложки режет
он ругается тяжким матом,
ходит, курит в майке несвежей
и глаза его – две гранаты)

А русалка-то – среди лилий,
На ковре. Не ковёр, а сказка,
Где отсутствие чётких линий
Искушается красок пляской.
Самодельное, как крошка,

В стиле ранних пятидесятых –
В золотые миры окошко
Из прокуренной тесной хаты.

Может, это о Пугачевой,
Может быть, о грядущем порно,
Что-то есть в картинке кичёвой,
В дне, пропахшем известью хлорной.

Наши бредни об океане
В изнывающем, злом июле,
Чья-то смерть на большом экране
И мясник на скрипучем стуле.

Сонный морок, распад империй,
Всё, что было и будет с нами,
Все падения и потери –
Здесь, в рисованной телеграмме.

Раскрывайся, тройной гармошкой
Косо сложенная записка!
Жизнь, стучи деревянной ложкой
По базарной площади Бийска.

АПРЕЛЬ

1

Все закончится новым побегом.
Но не сам ли ты мне говорил,
Что зимою теплее под снегом,
А весною – в одной из могил?
Допустимые вольности слога!
Юность знает, где лучше упасть,
Чтоб с грядущего спрашивать строго,
Как с партнёра – козырную масть.

2

Архаичен, тяжеловесен,
Словно медный (типа) пятак
Тех поддельных советских весен,
Когда мы различали знак
То в железной брехне трамваев,
То в холодном движеньи глаз...
Ты my Venus, o, you `re my fire...
Эта жизнь пропета про нас!

Уже обозначается сезон
стеклом растительным, упрёком несерьёзным,
желанием подвинуть горизонт
к реке, кипящей дымом паровозным.
А мы стоим в раскрашенных полях –
скорее пешки, нежели комбайны,
а под ногами плоская земля,
лишившаяся памяти и тайны.
Я так хочу, чтоб третий кто-нибудь
нас вывел под испачканные тучи,
текущие, как вспененная ртуть,
над бедной головой ручьём горючим.

Тренье слизистых, пенье медных,
Шелестение остальных.
Целый мир – от его победных
До его никаких –
Умещается между бедных,
Беглых гласных имён Твоих.

Здесь безумие, и паденье,
И любовь моя, и вина –
Просто звуков сосредоточенье,
Неудавшаяся тишина.
Нам оставлено только зренье,
Жизни судорожная волна.

Что же я так хочу услышать
Предназначенное не мне?
Мир таится полноточной мышью,
И в мучительной тишине,
Как оборванная афиша,
Бьётся небо в моём окне.

Океан что берёза – зазря шумит,
Ни бананов, ни яблок – одни обиды,
Да сомнительных символов алфавит
За пределами честного алфавита.

Можно сетовать на неуклюжесть фраз,
Вавилонскую башню искать в пучине,
Но покуда он развлекает нас
Эту драм-машину никто не чинит.

В долгосрочной засаде таится речь
Но однажды покажет свой стиль и норы –
Если нужно и вправду на дно увлечь,
Заклинанья полезнее уговоров.

Очередной зимы стальная ось
Легко нашла живое полотно
Вошла в него, прошла его насквозь
И там где вышла вон – воспалено.
Но поболит недолго: это март,
Неприхотливый черновик всего,
Дурак-игрок в карманный бильярд,
Полезное, однако, существо:
Ему известен путь в холодный лес.
Где рваный город вроде башмака
Валяется среди семи небес.
Их видит тот, кто старше сорока.

ЛЕРМОНТОВ

сквозь тёмный лес тугих пружин
как яростно сияют эти
бесмысленные чертежи
слова на пыльном эполете
(...неправильные падежи,
зазя закинутые сети...)

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Незначительное, розовое,
Как желе на плоском блюде
До конца тебя использовал
Лишь потом сумел проснуться.
Не мою смертью слепленный
Обескровленный куличик
С этой ночью крепко сцепленный
Вдетый в тысячу петличек
Значит, зря весь вечер думал я
Что тоска моя напрасна
Что тяжёлое, угрюмое
Пламя все-таки погасло

Мы рощу увидели в первый раз
Вдоль речки разложенной, как салат,
как будто сквозь сон, услышав приказ,
она опрокинулась наугад

вот с этой скалы, где теперь стоит
ободранный куст, запылённый лист.
Его, без сомнения, посетит
дезориентированный турист.

А мы у реки развели с трудом
негромкий огонь, дорогой костёр,
слегка обогрелись и вот ведём
с ночными деревьями разговор.

Ледяного озера ядро,
Завиток скалистого узора,
Сверху различимо как zero –
Ерунда для бдительного взора.
Если рухнуть рядом, как сосна,
То к нулю прибавишь единицу,
Вздорной арифметикой сполна
Напугав и ангела, и птицу.

Вот мы уехали, а облако осталось
растить себя на вертикальном фоне,
изображать то горб, то шестипалость,
являться птеродактилем в короне.
Показывая то, чего не знает,
жемчужное, оно сочится белым.
Тяжёлая перина опадает,
клочки её летят во все пределы.
И быстро тают в изумрудной бездне,
пестрящей кружевными лоскутами.
Во много раз пустыней, бесполезней –
прекрасней мира, созданного нами...

Закрыли от нас комету
предутренние облака.
А дальше – пора рассвету,
и снова ты далека.

Лежи, где тебе сказали –
на дне далёкой грозы,
увиденная глазами
полуночной стрекозы.

Покуда не время миру
окутываться огнём,
небесному командиру
ломиться в земной проём...

Закроем глаза, чтобы лучше видеть
Серебристые облака,
Ползущие медленно, как в обиде,
К центру материка.

Пена космического прибоя,
Свящащееся ничто,
Трансгалактического конвоя
Штопаное решето.

Или наоборот – посланья
Тем, кто всегда вдали,
Тяжёлые, кружевные зданья,
Поднявшиеся с Земли, –

Мелом струящимся расчертите,
Нашу ночь на лету,
Пробросьте свои ледяные нити
Сквозь каждую темноту!

ВОСЬМАЯ БАЛЛАДА

Любовь не рискует сажать самолёт
Туманному сердцу под кожу.
В печальную трубку вмерзает «аллэ!» –
Ты понят и прожит.
Сворачивай трубкой свои чертежи,
Кривые как листья герани.
Хронометрам сдохшим пример покажи,
Давай, до свиданья!
Но вот чем утешься, ботаник-простак:
В сумятице бывшего сада
Терновый венец не покинет куста,
Сочувствие – взгляда.
Везунчик-очкарик, в такой простоте
И вновь оказаться на воле!
Что делать с пространством? Конечно, лететь!
Отсюда – на полюс.
Ты снова ребёнок, пустынный-Амур,
Укройся в темнейшей из комнат,
Где сила твоя не нужна никому,
Что значит – огромна.

ДЕСЯТАЯ БАЛЛАДА

Над 307-м километром
Дешёвое солнце взошло.
Каким-то неведомым ветром
Меня в эту глушь занесло.
Я был содержимым попуток
Не знаю, что делать теперь
И кажется через минуту
Навеки закроется дверь
Тяжёлую эту пружину
Едва ли удержишь плечом
О главном молчать прикажи нам
(Шепни для начала – о чём).
Кто в этом холодном мотеле
Последнюю ночь переведёт?
О чём нам синицы свистели
Весёлый апрель напролёт?
Зачем ты мне снова приснилась,
И снова была холодна?
В какие карманы набилась
Последняя горстка зерна?
И снова – измена, измена,
А после – беда и беда.
Но это финальная сцена,
И сыграна не без труда.
Езжай, очевидец, обратно,
Пей пиво и лучше молчи
Про эти разрывы и пятна
Потерянные ключи.

Из цикла ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ С АНГЕЛОМ

восемнадцатого апреля 1996 года
только что выстроенный особняк моего отца
(как тогда говорили, коттедж)
загорелся со всех сторон, шансов не было ни у кого,
погиб отец, его молодая жена, её ребенок
от первого брака
мой как бы сводный брат иван
пяти лет. задохнулись в дыму, пытались выбраться,
не смогли открыть двери.
кто-то закрыл их снаружи да так крепко,
что даже гибнущий человек, у которого сил всегда
прибавляется,
не смог этот запор сломать.
поджог, однозначно – сказали менты
ну сказали и сказали а что толку
времена-то какие никто и не удивился
бизнес есть бизнес
меня в городе не было, я путешествовал по америке
последний подарок отца, как получилось
да и был бы в городе жил всё равно отдельно
да и был бы в доме ну и что
погиб бы тоже а мне 20 лет
что толку и всё равно всё равно
подозревали отцовских компаньонов
лысого дядю колю бывшего второго секретаря
обкома

бандита петю продвинутого в бизнесе сергея
сергеевича
эмбизй, все дела, он-то в америку меня
и посоветовал отправить
может пожалел может спасти хотел
приходили все сокрушались выделили денег
ну обсчитали конечно
времена то какие бизнес есть бизнес
я уехал во францию англию голландию чехию
эмираты австралию
я 10 лет живу в новой зеландии, 30 миль от окленда
говорят самый райский уголок земли
ну-ну рай так рай
я всё время следил за ними ненавидел думал убить
нанять киллеров послать по почте конверт
с отравленным порошком
о
фантазия на высоте
и знаете что с ними произошло? они все умерли
при простых обстоятельствах автокатастрофа
острое отравление на далёких островах
подскользнулся в ванной ударился головой
никаких в общем мучений
не то что отец
ну и ладно пусть хоть так
и знаете что? я с недавних пор стал мучиться
я ведь знаю что это я убил их
своей волей я изменил их судьбу
они заслужили заслужили но я не мог спать
я не мог есть я не мог их больше ненавидеть

я думал вот умру и все закончится
лежу себе в палате маленькой больницы
скоро скоро
и тут ко мне является ангел
белый большой светящийся все дела
и начинает:
не знаю как тебе сказать, но вообще-то это я.
я их всех наказал ты тут не при чём они заслужили
и не за твоего отца нет нет
чем заслужили не спрашивай у нас своя
бухгалтерия
и знаешь что ещё?
и твоего отца наказал тоже я он тоже заслужил
ну и его семью тоже кого-то с упреждением заранее
то есть
я ангел-истребитель такова моя миссия
бизнес есть бизнес
так что выздоравливай ты тут не при чём
ничего себе заявление
и знаете что? я ему не поверил
нечего меня утешать
скоро я умру и сам стану ангелом-истребителем
у меня для этого есть всё
долгая память
твёрдая рука
чёткий глазомер

всё на грузовчике
Хорошо стать и вон тем немолодым (но и не сильно
старым) джентльменом
в твидовом пиджаке и мягких туфлях
рубашке поло стального цвета
входящим с женой в дорогое кафе
жена его ровесница
умная женщина доцент наверное или юрист
– джентльмен
профессор или генеральный директор
небольшой внедорожник вот откуда они вышли
да как внедорожник нормальный городской
автомобиль
с нашими-то улицами бордюрами ямами зимой
самое то но и летом отлично
в кафе
они будут пить кофе под негромкую музыку
обсуждать как прошёл день совещания лекции
коллоквиумы
а может
– джентльмен частнопрактикующий врач:
невропатолог?
Стиль уверенность квартира в центре дача
в модном месте
Хорошо
хорошо
да ведь как назло окажется что у этого шофёра
цирроз печени
а у этого джентльмена опухоль простаты
уж не говоря про его жену

больные дети
родители в маразме
долги
наследственный алкоголизм
всё в таком роде
да к тому же
ты уже был кем-то из них
или всеми по очереди
и не понравилось
продолжим поиски
времени у нас достаточно

ИСТОРИЯ С АВГУСТОМ (ЯНВАРЁМ)

1.

город в августе
старая часть:
грязноватые разномастные заплатки крыш
желтоватые черепа утопанных дворов
к августу затягиваются курчавой зеленью.
я жил тут
я любил эту позднюю зелень
как бродится по окраинным дворам окраиной лета!
(которое потрачено бездарно, как отпускные деньги,
как жизнь)
все возвращаются кто откуда а я вот он
встречаю
в 94-м, в 2000-м, в 2005-м.
валяюсь на травке, сижу среди дворовой зелени
с бутылкой пива, с ребёнком, с книжкой,
со всеми тремя
дни хорошие погожие
не жарко

2.

ещё вырастает такое зелёное три метра
с огромными листьями
типа пальма
я узнал «клещевина»
Юг!
пальмы во всех дворах
с семенами похожими на гладкие черные бобы

в них яд
страшный яд от которого нет противоядий
рицин
4-х семян хватит убить кролика или человека
6 – лошадь
есть одно только исключение это – утки
чтобы убить утку необходимо 80 семян
зачем убивать утку
незачем
август, август
каковы же семена на вкус?
горькие, безвкусные, кисловатые, солёные?
хотел узнать
мог бы узнать
не узнаю

3.

обидно
если бы тогда был август
я увидел бы всё это
из взлетающего самолёта
который
ну

а так что я разглядел
за те самые 3 минуты 43 секунды до взрыва
белая равнина
серые пятна
грязный снег
январь одно слово
январь

мой друг Владимир Б.
умер в 42
бывает
прошло много лет
вчера за стойкой суши-бара я увидел человека с его
лицом
быстро-быстро рубившего что-то красное
чем не работа для Вовки
здесь бы он преуспел
не то что во всём остальном
видишь не видишь меня всё равно
рубирубирубируби
не останавливайся

BLIND FURY BLUES

после обычных пятничных посиделок с коллегами
(ноль пять коньяка плюс пара пива на брата)
он приходит домой и сразу же отправляется в душ
кряхтя раздевается
110 кило не шутка для снимающего носки
делает воду погорячей
еще горячей
ванная окутывается паром
жарко жарко ещё жарче
совсем горячо
кружится голова
и вот тут он наконец вспоминает
слово, которое мучило его весь этот день
Рутгер Хауэр
Рутгер Хауэр
Рутгер Хауэр
Рутгер Хауэр
повтори это тысячу раз
не понимая смысла
о ведущий специалист
о старший экономист
о замдиректора
о редактор отдела
рутгерхауэр
потерянное навсегда
найденное другим
горячее как вода
щиплющее как дым

Рутгер Хауэр
и тогда
тебя никто не найдет
упавший в ванной
стукнувшийся головой
истекающий кровью
ты наконец один
один
ты
тут
всегда
р.х.

Когда движняк минут
Расчистит все углы
Пускай тебе споют
Подземные битлы

Не выслушав Michelle
Не поступить в МИ-6.
А если есть мишень
То и пощада есть

В ритмическом аду
Черешневом саду
По каменному льду
Я линию веду

НЕЗНАЙКА НА ЛУНЕ

В коммунистических, нервущихся
И шляпе с аццкими полями
(и это всё моё имущество)
Я там, над вами вверх ногами.
Что за нелепая утопия!
Но детство всякое нелепо,
Как насморк или плоскостопие –
Мороженое вместо хлеба.
Пускай бредово, но продуманный
В подробностях, до каждой спицы,
Давно поломанный, полуденный
Вам этот мир всё так же снится.

нелегко оставаться
одному в этом мире
где 12x9
или 3x4
но зато невозможно
одному не остаться
там где 10x10
или 30x20

МАНГА

Когда с толпою кукол
Под крики горожан
Пересекаю купол
Расцветки баклажан
Я так хочу обратно
В хрустальный ком зрачка
Где крапинки и пятна
Легли наверняка
Но никого не впустит
В разбитые очки
Закрывшееся устье
Пылающей реки

ТЕХНОЯМБЫ

I

Вчерашней музыки паузы,
Недоуменье батарейки –
её сменившие кургузы,
пожалуй, меньше канарейки.
Они из подсознания ямба,
Из чертовни хороших строчек,
Любую из которых я бы
Отправил в ад без проволочек.
Увы! пришельцы и герои,
Теперь живее всех живущих,
Их равнодушной игрою
Сотворена земная гуца.
Зане смененные помяты,
И отправляются на волю
Ломать стальные аты-баты
По заштрихованному полю.

II

Они сцепляются хвостами
Лоснится вытертая кожа
Их можно поменять местами
С любым кошмаром равно схожих
Но это звери антологий
А мы имеем дело с теми
Кто выползает из берлоги
Как наспех брошенное семя

Сквозь ледовитые экраны...
Проходит через эти коды
(Дырявы будто бы карманы)
Сквозняк неведомой свободы.
Готовь тяжёлую дубину
Мотай рулоны изоленды
Встречать грядущего лавину
Его живые элементы

III

Плотней рождественского крема,
Простой как надпись на заборе
Мне голос был. Не зная темы,
Со мною толковало море.
Сквозь музыкальную коробку
Назло расслабленной пружине
Звучало так: РОРОРО-РОК-КУ
Ещё ДО-ЫНЕ-ЫНЕ-НЫНЕ
Доныне рокку – кувырками
Назад. И шумовая тема.
Но эта музыка не с нами,
Её тоска и теорема.
Я молча выключил шкатулку
Ещё подсказок не хватало!
Грызущий мировую булку,
Пускай не крошит, где попало.
Я сам управлюсь с рычагами
Заряд расставлю вслед заряда –
Пускай сужаются кругами
К финальной точке звукоряда.

ХОЛОДНАЯ НОЧЬ

2015–2016

РАССВЕТ

поздней ночи этажи
громоздятся как попало –
проржавевшие Кижы
мёртвый лес лесоповала
в этом омуте душа
хорошо играет в прятки
в небе нету ни гроша
только лезвие в подкладке
кто-то проведёт веслом
по воде – по гладкой коже
мы же тёмное стекло
под прозрачное положим

В Транквилиуме этом, Тропарёво,
ещё при позапрошлом короле,
едва сопротивлявшееся слово
полнеба мы тащили на пиле.
Усохли дни, зато набухли ночи,
ни слов, ни пил. И, честно говоря,
сегодня даже небеса не очень
подходят для тасканья словаря.
Бог помочь нам, дельцам и дилетантам,
катящимся с невидимой горы –
ладони добродушного гиганта.
Теперь и это в правилах игры.

Полуэктов видит короткий сон:
горящие города.
Просыпаясь, берётся за телефон,
сообщает туда, куда.
Это просто работа. Его оклад
не зависит от темы сна.
Важно, чтобы записывал всё подряд,
разберётся сама страна.
Полуэктов трогал ядерный гриб,
но медаль получил за то,
что однажды увидел двух мёртвых рыб
в алюминиевых пальто.

Петров закончил заготовки
обыденное моросит
троллейбус двинул с остановки
и не дождался, паразит
Петров, зачем свои соленья
ты кутал в старое пальто?
из огурцов и перцев тленья
не избежал еще никто
ты скажешь плотная закрутка
и ледяные погреба
плывёт немытая маршрутка
Петров, а я скажу судьба

Пустовалову принесли вина,
И к нему шашлык, что устроен ловко:
Половина, как утренний сон, жирна,
А другая жилиста, как циновка.

Размотать бы жилы на провода,
Чтобы слышали это в любой столице:
В мире есть хорошие города,
Ни в одном не хочется поселиться.

Ни любви ни надо, ни шашлыка –
Всё равно, измена или изжога.
Дайте, что ли, змеино-молока!
Пустовалов, пей, но не слишком много.

Пели-спали, где только придётся,
Водку в ступе любили толочь.
Но не пьётся уже, не поётся,
И не спится в холодную ночь:
Жизни жалко и жалко собаки,
Остального не жалко почти
В подступающем к сердцу овраге,
У большого ненастья в горсти.

хорошо и на этой траве
хорошо и под этой травой
у потёртой судьбы в рукаве
спи спи спи не верти головой
если выкрутить винт ноября
из основы хороших вещей
можно выжить и не говоря
никого не касаясь совсем
стать темней самой темноты
ярче сна горячей огня
(разговоры его просты
он идёт увидеть меня)

ДЕВЯТЫЙ КЛАСС

Где у подъезда толкотня
И тёмный лес тяжёлых рук
Там ждут надеюсь не меня
Я слабый враг неверный друг
Качели, горки, гаражи –
Темны распятья во дворах.
Попойки, драки, грабежи
Ты прахом был и станешь прах
А дома книжная тюрьма
Обойный клей колода карт
Уйти в бега, сойти с ума
Советует лукавый бард
Но нет надёжнее пути
Сквозь стыд и срам чужих дворов
Чем сон-травую прорасти
Не оставляющей следов
А в небе ледяной металл
И если лечь лицом в бетон
Увидишь то, что так искал –
Свой неразменный миллион...

Столетье смерти модерна.
Вербное воскресенье.
Голову Олоферна
вносят в чужие сени.
Что он видел? Двойчатки
вечно живых соцветий,
каменные початки,
смальтой полные сети.
Что он увидит – в стёкла
пыльного саркофага,
в мире простом и блёклом,
плоском, словно бумага?
Миру не надо линий,
поворотов сюжета.
Ни орхидей, ни лилий
ярого полусвета.

где небо будущим беременно
а тут продлёнка третий класс
мы все идём тропой Римана
но Риман умер не за нас
зазя пространство многомерное
густеет в баночке чернил
всё ассонансное, минорное
какое ты и сам любил
иное только улыбается
не поддаётся мирный квант
он с нами пьёт, грешит и кается
как привокзальный музыкант

ОКРАИНА

1

Здесь царство бабочек и семечек –
на улице правобережной.
Скажи держите меня семеро
и эти семеро удержат.
Поёт баян над палисадником
я жил как все, и это промах.
Навеки спешившимся всадником
мучительнейшая из черёмух
над тихой речкой молча клонится
(а-ля Аскольдова могила).
Когда здесь проходила конница?
Да никогда не проходила.

2

А мы ходили были молоды
вовсю гуляли переулками
потом дошли до центра города
и тем покончили с прогулками
Не то чтобы и здесь развалины,
иной живёт по новорусски,
но всё-таки не сталь – окалина
сезон усушки и утруски
Я тут проездом время позднее
а может быть совсем остаться
упасть в бурьян попасть на звёздное
кино как было в 18

3

Запить без повода, по-прежнему,
ведь в этом месте все как прежде
Весна застроена коттеджами –
но покосятся и коттеджи.
Металл сгниёт, кирпич рассыплется,
как парикмахер в комплиментах,
любовь нальётся или выльется,
запутается в акцентах
Что ж не запить – вот вино-водочный
как встарь под шиферную крышей
вокруг народ с душой полуночный
я эти песни с детства слышал

4

«Как жить на свете одинокому
и без работы и без денег
все дни все ночи одинаковы
ободраны как банный веник
А бабы что по всем понятиям
идуть пусть нахрен вправду сказано
да я б нашёл себе занятие
но запаadlo жить как указано
Пошли братан помянем кореша
у нас тут всякий пьёт что молится.
да не, он вон, покуда жив ишшо
но выпьет за твоё здоровьице»

Закат прошит чужими нитями
вся жизнь вся улица чужая!
Глаза закрою ноги вытяну
как будто бы в тоннель въезжаю
и вот уже лечу над бездною
во власти полупьяной дрожи
тоска дорожная железная...
конечно же, и это тоже.
Лечу над лужами киосками
сквозь непрощённую обиду.
закат забит кривыми досками.

Но разгорится, где я выйду.

ОСТАТОК ДНЯ
2017–2020

ЧИСЛА

всего 500 рублей и снова жив-здоров
посаженный на клей окраинный Брюллов
но нету пятисот в промозглом декабре
среди былых красот шуруй без якорей
возьму 150 нашарив 200 и
весну не запретят (но кажется смогли)

СЧИТАЛКА

Кто проснулся кто приснился
Кто пошёл и выпил море
Кто совсем не изменился
Кто ошибся в разговоре

Всем нам следовало строже
сохранять свои руины
А теперь-то кто поможет?
Кто не с этой половины?

Ты-то помнишь эту музыку ТВ
Эти танцы в беспощадной синеве

Помню-помню занавешенный экран
Чью-то кровь из чёрно-белых рваных ран

Были молоды мы, молоды тогда
А над нами говорящая вода

А над нею ледяные небеса
Между ними города и голоса

Десять жизней уместились в полчаса

месяц ели мокрый хлеб
что отпущен был по водам
а потом приплыл обратно
мы довольны не вполне
этим хлебным тихоходом –
у него на шкуре пятна
ну а если утонул
значит все мы утонули
хоть плавучи будто пробки
но не дали нам уплыть
утопили и вернули
и хранят в сырой коробке

скрипел снег
под ногами
подшучивал век
над нами
88-й
кончался
вернуться туда домой
там бы остался
на том сейчас и стою
шатаясь малость:
мы были тогда в раю
как оказалось

Кто знает, из какой тоски,
из перелома со смещеньем,
из ночи, рвущей на куски
своим тяжёлым освещеньем,
мы выплываем на бульвар
предновогоднего похмелья...
Встречай, окраинный квартал,
героев горькой карамелью!

НОВОГОДНЕЕ

Мне этот оливье –
вообще чужое блюдо.
И всё ж привет семье,
невидимой отсюда.
Ещё или уже
они в 80-х
на верхнем этаже...
...В-четвертых или пятых,
не трогайте меня!
Себе оставьте сдачу!
Я сам остаток дня,
я сам себя потрачу.

Почему не улететь
Отчего не в пятьдесят
Очень просто: поглядеть
Что без нас давно глядят
Лёгок лёгок одинок
Поднимаюсь словно шар
Мир валяется у ног
Обознался оплошал
Кто уже под потолком
Про того не рассказать
Самым крепким языком
Не заметить не связать

То сожмется, то разожмется,
Птичьей дрожи полным-полно,
Будто смотрит со дна колодца
В занавешенное окно.
Мёртвым звёздам снится немного
И одно и то же всегда:
Перевернутая дорога,
Нарисованная вода,
Старый дом с кривыми углами,
Где вот-вот закроет глаза
Жизнь, завязанная узлами –
Воспалённая железа

Снежной весны столица,
Каменное жнивье,
Нужно развоплотиться,
Чтобы забрать своё.
Строятся гороскопы,
Слышатся голоса,
Телефонные тропы
Тянутся в небеса,
Где по волне мороза
Катится аппарат,
Серебро и глюкозу
Рассыпая подряд

СКАЗКА

В одном далёком городке
Гора приставлена к реке
И смерть невдалеке
Её не бойся – это твой
Передовой городской
Единственный конвой
Он отведёт тебя туда
Где камень есть и есть вода
Но нету ни следа
Ни рек ни гор ни городков
А только море огоньков
Над полем облаков

* * *

наночастицы компьютерной сажи,
пачкающей лицо –
главное, что обо всём расскажет,
если в конце концов
в новом столетье решим присниться,
выпрыгнуть из ларца,
продемонстрировать кровь на лицах
демонам без лица

Это новая песня на старый лад,
на зубок её брали и там, и тут:
из живущих каждый не виноват,
виноватые вниз головой цветут.

Они камни колышут на площадях,
иногда приснятся, как зимний лес,
где деревья чёрные все в гвоздях
(но иных не встретишь ни там, ни здесь).

Они тоже хотели из общих зол
выбрать меньшее, стать серебром планет...
Опустили сердце в густой рассол,
позабыли на девяноста лет.

Весь вечер пой, все утро пой
А после замолчи
И снова выгнется дугой
Дорога в Урумчи

И 95-й год
Алмазный порошок
Присядет рядом и нальёт
Уже на посошок.

Горит Восток, плывёт челнок
По золотым волнам
Пока короткий эпилог
Январь читает нам

А день был таким простым,
ясным, определённым,
зелёным и золотым,
золотым и зелёным.
Утром хвалили нас,
вечером – обижали.
Свет потихоньку гас,
размывая детали.
В темноте полетим
к огонькам отдалённым,
зелёным и золотым,
золотым и зелёным.

НОЧНОЙ ТРОЛЛЕЙБУС

В сторону Серебряного Бора,
(как темна листва его густая!)
по волнам ночного разговора
движемся, почти что засыпая.
День был жарок, полночь – неизбежна,
за окном то смерть, то бакалея.
Приближаясь к линии прибрежной
замирает старая аллея.
И уже невидимы ансамбли
новых зданий, слепленных по-птичьи.
Созданный единым взмахом сабли,
крепкий берег ждёт своей добычи.
Надо стать прозрачней, неприметней
стёклышка троллейбусной теплицы,
чтоб исчезнуть с девяностолетней,
так и недописанной страницы!

Вагон остроносых турецких ботинок,
Корейских носков три контейнерных блока...
В аду зажигают огни вечеринок.
Звезда моя жизнь, хороша и жестока!
Шуруй, Polaroid, откуда сам воздух
Не стал чёрно-белым как яд или водка.
Теперь все подряд разбираются в звёздах,
Но тайну хранит – полинявшая фотка,
Где через размытый значок Мерседеса
А может, прицел, проступает такое,
Что видеть подробней мешает завеса
(Опущена чьей-то умелой рукою)

Вторнику много надо
он чемпион всего
сам себе крест, ограда,
дилер и вещество.
Я же заброшен в среду.
По острию ножа
дымным поездом еду.
Стало быть, заряжай!
Ставлю кассету грома
в каменный пулемёт.
Скоро мы будем дома –
вечности не пройдёт

ДЕКАБРЬСКАЯ ПЕСНЯ

Усидишь ли дома по ночам,
где лишь телевизор у виска,
если солнца неживой кочан
засолила на зиму тоска?
Выйдешь в поле – тёмные торчат
сухостоем в ледяных полях
черенки невидимых лопат.
Сделай шаг – напорешься впотьмах.
Тут и город, мёртвый огород,
заливает каменный бензин
равнодушной тьме за отворот.
Заходи в закрытый магазин,
забирай что хочешь – всё равно.
Здесь ведь только иней на губах
а внутри дешёвое вино
и к подошвам липнет теплый страх

Веселая тоска венецианских зим,
божественный мотив под номером четыре.
Он умер, но смотри, остался негасим
и медленно плывёт в предпраздничном эфире.
Лови, покуда он – полупрозрачный шар
из рыбьей чешуи сияющего моря
(рисованной страны несмелая душа,
блаженное окно в стене ночного горя)

НОЧНОЙ СТОРОЖ

Каждую ночь я расставляю
в определённом порядке
на столе, покрытом клеёнкой,
кружку с чужим именем
электрический чайник
жестяную коробку с
чёрным как сапог крепчайшим листовым чаем.
Я намерен провести эту ночь правильно.
Не так как всегда.
Много лет я обманывал, прятался, кроил надвое,
притворялся, сплетничал, кляузничал, хитрил,
увиливал, вывертывался, изворачивался,
малодушничал, преувеличивал
(О да, это особенно)
Я хочу измениться
Я хочу стать хорошим ночным сторожем себе самому
Всем вам
Миру вокруг
И тут я засыпаю (или просыпаюсь)
Затея сорвалась!
Ну, всё как обычно
Блин

СОДЕРЖАНИЕ

I. КАЛЕНДАРНЫЕ ПЕСНИ (1988–1996)	5
«Люблю октябрьские аллеи...»	6
Романс	7
Восьмидесятые	8
«Я шел дорогой сдвинутой на треть...»	9
Приглашение	10
Баллада отъезда	11
Баллада возвращения	12
Гимны	14
Пролог	16
Бегущая строка моей любви	19
«Не печалься. Твои рецидивы...»	20
Из «Куртуазного календаря» 1994–1996	21
Прогулки	29
II. НА ЭКРАНЕ (1997–1999)	35
Мышиный король	36
««До утра», конечно, значит «насовсем»...»	38
«Землю увидеть во сне, ты сказала, дурная примета...»	39
«Бескорыстные, бескостные...»	40
«Радугой на крыльях стрекозиных...»	41
Розы	42
Папиросы	44
Окно	45
Предновогодняя уборка	46
«Я плачу тебе той же монетой...»	47
«Белый медведь твоего окна...»	48
Праздники	49

III. НОВЫЕ КАЛЕНДАРНЫЕ ПЕСНИ (2000–2006).....	53
«Сумрак сумраку режет подметки...».....	54
«Тает снег на серебряном блюде...».....	55
Железнодорожный романс.....	56
«Всем пора. Пустая «полторашка»...».....	57
Бессонница.....	58
«Тяжело расставаться с городом-миром...».....	59
«Весна, вновь ссыпаясь под колесо...».....	60
«Горек мартовский снег...».....	61
1992.....	62
«В парке звёздного неба...».....	63
«Однажды переставший быть поэтом...».....	64
«Вот как город сегодня светел...».....	65
«Снегу следует падать...».....	66
Июль.....	67
«По первому снегу собачьему следу...».....	68
С работы.....	69
Облако.....	70
18 марта 2006 года.....	71
В дороге.....	72
В парке.....	73
В ресторане.....	74
«Одиночество пеленает виски...».....	75
«Наш ответ человеку без кожи...».....	76
«Разорви картонный чехол эфира...».....	77
«Куда расти? Туда, где лето...».....	78
Четыре сонета.....	79
Майская ночь.....	82
IV. ГОРЯЧО: БЕСПОЛЕЗНО (2006–2011).....	87
«Сердце колышется как вагон...».....	88
«Мушкетеры твои ацтеки...».....	89
Диалектика просвещения.....	90
На дежурстве.....	91

«Сонная моя рука...».....	92
Из цикла «третья декада».....	93
«Снова зима на задворках мира...».....	96
«И эта вода, и та вода...»	97
«Горячая горечь твоих воло...»	98
«Первый снежок – в горле морозный нож...».....	99
«Дактилически длиться/ ямбически биться...»	100
«Нелегко уходил – тяжелей вернулся...»	101
В рукав рок-н-ролла больной головой вперёд	102
«Тёмных дворов – ледяных пучин...».....	103
Гаражная баллада.....	104
Летняя ночь	106
Романсы вдогонку.....	108
Старый поэт	110
V. ЯВЛЕНИЯ (2012–2015).....	133
Семидесятые	134
Апрель.....	136
Уже обозначается сезон.....	137
«Тренья слизистых, пенье медных...»	139
«Океан что берёза – зазря шумит...».....	139
«Очередной зимы стальная ось...».....	140
Лермонтов.....	141
Русская песня.....	142
«Мы рощу увидели в первый раз...»	143
«Ледяного озера ядро...».....	144
«Вот мы уехали, а облако осталось...».....	145
«Закрыли от нас комету...»	146
«Закроем глаза, чтобы лучше видеть...».....	147
Восьмая баллада	148
Десятая баллада	149
Из цикла Истории.....	150
«Мой друг владимир б...»	158

Blind fury blues.....	159
«Когда движняк минут...».....	161
Незнайка на луне.....	162
«Нелегко оставаться...».....	163
Манга.....	164
Техноямбы.....	165
VI. ХОЛОДНАЯ НОЧЬ (2015–2016).....	167
Рассвет.....	168
«В транквилиуме этом, тропарёво...».....	169
«Полужтков видит короткий сон...».....	170
«Петров закончил заготовки...».....	171
«Пустовалову принесли вина...».....	172
«Пели-спали, где только придётся...».....	173
хорошо и на этой траве.....	174
Девятый класс.....	175
«Столетье смерти модерна...».....	176
«Где небо будущим беременно...».....	177
Окраина.....	178
VII. ОСТАТОК ДНЯ (2017–2020).....	181
Числа.....	182
Считалка.....	183
«Ты-то помнишь эту музыку ТВ...».....	184
«Месяц ели мокрый хлеб...».....	185
«Скрипел снег...».....	186
«Кто знает, из какой тоски...».....	187
Новогоднее.....	188
«Почему не улететь...».....	189
«То сожмётся, то разожмётся...».....	190
«Снежной весны столица...».....	191
Сказка.....	192
«Наночастицы компьютерной сажи...».....	193

«Это новая песня на старый лад...»	194
«Весь вечер пой, всё утро пой...»	195
«А день был таким простым...»	196
Ночной троллейбус	197
«Вагон остроносых турецких ботинок...»	198
«Вторнику много надо...»	199
Декабрьская песня.....	200
«Весёлая тоска венецианских зим...»	201
Ночной сторож.....	202

